

НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

30 октября.

Шл 555²-22. № 14.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ.

М. ПРИШВИНЪ. ЗЕЛЕНАЯ ЯБЛОКИ.
Н. БЕРДЯЕВЪ. ОБЪ ИСТИННОЙ И ЛОЖНОЙ
НАРОДНОЙ ВОЛЪ.
ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ. РЕВОЛЮЦІЯ И САМО-
ОПРЕДѢЛЕНІЕ РОССІИ.
СВЯЩ. СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ. СПОРЪ КНЯЗЯ Е. Н.
ТРУБЕЦКОГО СЪ ПРОФ. ТИТЛИНОВЫМЪ.

ПРОФ. П. П. ГЕНЗЕЛЬ. ПРОЕКТЪ ЗОЛОТОГО
ЗАЙМА.

И. М. ЮРДАНСКІЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢ-
НІЕ.

БОРИСЪ КРЕМНЕВЪ. КАНУНЪ УЧРЕДИТЕЛЬ-
НАГО СОБРАНІЯ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К. НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—40 К.
ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ
УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНЪЕ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ пе-
реулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Смоленскій бульв. 3.
Тел. 61-03 и 4-27-29.

ЗЕЛЕНАЯ ЯБЛОКИ.

Рассказ М. Пришвина.

I.

Сохранилось у нас одно дворянское гнездо Колодези: и старый домъ, подъ тесовой обшивкой дубовый, какъ новенькій, и зданія конскаго завода, сложенные крѣпостными руками, и названія до сихъ поръ тѣ же—Черный дворъ, Красный дворъ, Дѣвичья, Людская, и память сохранилась, какъ пороли на Черномъ дворѣ, какъ на Красный дворъ выводили къ балкону показывать холеныхъ призовыхъ матокъ, и про Дѣвичью, и про Людскую много помнятъ. Здѣсь Тургеневъ охотился.

Посмотрѣть бы сюда съ большой высоты, такъ, чтобы вся волость въ блинъ собралась, такъ ни одного бы дворянскаго гнѣзда не замѣтилъ, зато отъ овраговъ блинъ этотъ, словно весь источенъ тараканами. А если по душевной части то же съ высоты посмѣтрѣть, то вся бѣда земли бѣдняками въ память о дворянскомъ гнѣздѣ вписана.

Лѣтъ уже двадцать тому назадъ купилъ Колодези потомственный гражданинъ Клинушкинъ и тѣмъ въ глазахъ ветхаго Адама отвѣтъ за прошлые грѣхи принялъ на себя, только переписали счета вольныхъ грѣховъ въ невольные.

Свои сто десятинъ Клинушкинъ отдаетъ въ аренду избраннымъ хозяйственнымъ мужикамъ и кое-какъ, холостой, на это живетъ, старѣетъ, дичаетъ въ одиночествѣ. Безъ памяти любить онъ Колодези, хранить портреты умершихъ владѣльцевъ, подсаживаетъ елочку, яблони и терпѣть не можетъ живыхъ дворянъ и особенно почему-то поповъ.

Революци онъ вначалѣ очень обрадовался. Мы съ нимъ долго объ этомъ бесѣдовали и такъ я понималъ его, что изъ этой своей отшибленности и ущемленности ему какъ бы выходъ теперь явился, свѣтлость кака-то показалось и намекомъ свѣтлый изъ позора и униженія обозначился. Спросилъ я его тогда, не боится ли онъ за свою землю.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—моя земля купленная на заработанныя деньги, двадцать пять лѣтъ служилъ, трепался, копилъ, мнѣ вылатялъ, а усадьбу оставить. Еще лучше будетъ: не собирать съ мужиковъ дань, а только рѣзать купоны.

Между тѣмъ изъ овраговъ этой несчастной земли подымался призракъ ветхаго Адама и мутить жизнь мужиковъ—«Заповѣдь,—говорилъ онъ,—одна: въ потѣ лица свою обрабатывай землю, а вы что надѣлали, у кого земля». Смутный, хмурый подымался весной призракъ Адама. Бывало, встрѣтятся весной два мужика и вмѣстѣ радоваться, что дышитъ земля и паръ поднимается, закрывающій солнце. Теперь встрѣтятся изъ двухъ деревень и вспоминать: одинъ вспоминаетъ, что Клинушкину землю его дѣдъ пахалъ, а другой спорить съ нимъ; его дѣдъ пахалъ тутъ и скородилъ, и косилъ, а хомуть постоянно вонъ на томъ дубу въ-

шалъ. Подойдутъ къ спорщикамъ другіе мужики, ввяжутся и пошелъ галдежь. Старики же, раскапывая завалинки, говорятъ между собой:

— Не паръ это, не духъ земной солнце туманить, а скорбь это, братья, скорбь наша поднялась отъ земли и до солнца.

II.

Вскорѣ послѣ Пасхи приходятъ въ Колодези комитетскіе мужики зерно отбирать. Не очень справедливое и бѣзтолковое дѣло, потому что зря его отбирали и зря раздавали. Но Клинушкинъ не спорилъ, самъ отзѣсилъ, отдалъ.

— И все-таки хорошо, что революція—сказалъ онъ мнѣ послѣ этого—и у дворянъ отобрали, и у попа... Мужики все-таки лучше всѣхъ, прямѣе.

— А, что, если у насъ пойдетъ такъ дальше, дальше и станетъ, какъ было во Франци?

— Какъ было во Франци?

Я даль почитать ему Минье, исторію французской революціи.

Тутъ были ненастные дни, Клинушкинъ сидѣлъ и читалъ дома революцію. Разъ прибѣгаетъ къ нему мальчишкѣ сказать: дикая утка, рѣдкость большая у насъ, прилетѣла на прудъ. Взялъ охотникъ ружье, подкрался, прицѣлился. Вдругъ на томъ берегу пруда захлопалъ въ ладоши Шибай. Утка улетѣла.

— Ты какъ смѣлъ?

— А ты?

— Мой прудъ!

— И мой: земля общая.

Съ охоты своей Клинушкинъ возвратился разстроенный и говорить мнѣ:

— Если ваша любимая досталась вамъ послѣ риска жизнью своей и вы, говорите «моя, моя» и она тоже вамъ: «мой, мой навсегда!» И въ это время заявляютъ, что она общая, какъ вы объ этомъ думаете?

Я отвѣтилъ, что разное думаю объ этомъ, когда какъ, другой разъ отбить хочется ее себѣ со злости на чужое счастье.

— Это другое дѣло—воскликнулъ онъ,—а вотъ, если ее и на все общество?

— Садъ и лѣсъ саженыи вами,—сказалъ я,—конечно вашъ, но землю вы сдаете въ аренду.

— Это ихъ, я признаю, ихъ земля, но деньги я заработалъ, безъ выкупа невозможно.

Чтобы замаять разговоръ объ этомъ, я спросилъ, какъ нравится ему французская революція. И онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Робеспьеръ мнѣ ужасно не нравится.

Вскорѣ въ комитетѣ признали, что всѣ лѣса нашей волости принадлежать государству. И какъ только стало объ этомъ извѣстно, всѣ бросились рубить и тащить Клинушкину рошу.

Такъ, бываетъ, вѣтеръ попутный гонитъ лодку

вмѣстѣ съ волнами, и вдругъ перемѣнится вѣтеръ, парусъ полощется и вотъ, вотъ погонитъ лодку назадъ.

Какъ пришибло хозяина, оробѣлъ. Разъ осмѣлился сказать Павлу Гнѣдому:

— За самовольную рубку, смотри, братъ, я тебя въ комитетъ.

А Гнѣдой отвѣчаетъ, какъ Людовикъ XIV:

— Я—комитетъ.

Какъ-то совсѣмъ ужъ по-ребячьи жалуется мнѣ Клинушкинъ:

— Лѣсокъ мой защитный, посаженъ въ оврагѣ, сохраняетъ отъ размыванія поле. Почему они своихъ овраговъ не засаживаютъ; этой земли довольно у всѣхъ.

— Кто они—спрашиваю—мужики всѣ такіе же разные, какъ жители города, кто они?

Напрасно я спрашивалъ, Клинушкинъ уже закупилъ удила; право же не дурные наши съ дѣтства намъ знакомые ребята разные, Павелъ, Евланъ, Пахомъ, всѣ стали «они». Клинушкинъ вдругъ сталъ политикомъ. Вѣтеръ повернулъ и лодка помчалась назадъ.

— Кто они?

Клинушкинъ сорвалъ и рѣзко сказалъ:

— Робеспьеры!

Вскорѣ мужики заявили, что деньги внесутъ не ему, а въ банкъ, потому что земля перейдетъ къ нимъ, вѣроятно, безъ выкупа.

Ничего не отвѣтилъ Клинушкинъ, повернулся и совершенно затворился въ усадьбѣ. Даже въ садъ не показывается, тамъ теперь ходятъ крестьянскія коровы, овцы, аллеи не разметаются, цвѣты распланы, сирень изломана, парники разворованы. Ни французской революціи, ни русскихъ газетъ Клинушкинъ больше не читаетъ, тамъ и тутъ чудятся ему Робеспьеры. Всѣ новости о наступленіи и отступленіи узнаетъ отъ старухи Прасковьи и отъ дочери ея солдатки Тани.

И раньше, время отъ времени, когда бывало изъ простора полей переходилъ въ усадьбу помѣщика, будто послѣ вечерней прохлады полей застоявшійся воздухъ охватить,—раздумье беретъ:—вотъ она земля, гдѣ жили когда-то скибы и до нихъ еще Богъ знаетъ, какіе всякіе народы жили и переходили, а тутъ вотъ огородился человѣкъ и воображаетъ, что овладѣлъ землей навсегда, она его собственность вѣчная, эта земля. Теперь мнѣ вовсе жутко ночевать въ Колодезяхъ и вижу я тутъ сонъ, очень страшный. Повторяется мнѣ тутъ сонъ, о какомъ-то жалкаго вида чиновникѣ по фамилии Сиромыхинѣ. Входитъ онъ робко, неувѣренно, извиняется, жметъ, а такъ знаешь, что на днѣ-то его души все сплетено изъ обидъ, претензій, самолюбія. «Я знаете,—говоритъ,— что затѣялъ, я хлопочу у Временнаго Правительства объ отмѣнѣ частицы «инъ» въ моей фамилии и скоро буду называться не Сиромыхинъ, а Сиромыхо. А потому объявляю всеобщую Сиромыху всея руссінскую». И показываетъ на шею, какъ вѣшаютъ.

III.

Таня-солдатка, вѣрная мужу, одна во всей деревнѣ изъ вѣрныхъ мужьямъ солдатокъ, не хочетъ тайно конца войны, ей страшно объ этомъ подумать. Четвертый годъ ея Ефимъ на войнѣ и вѣстей отъ него нѣтъ. Таня ему вѣрна, не ходитъ на улицу, ждетъ. Спра-

влялась по начальству и ей отвѣтили: «пропаль безъ вѣсти». Ничего, Таня ждетъ. Пришли его товарищи, рассказали, какъ упалъ Ефимъ при сраженіи въ Августовскихъ лѣсахъ и что тамъ этихъ упавшихъ некому было подбирать, развѣ волкамъ. Ничего, Таня ждетъ и не хочетъ одного только, чтобы война кончилась. Тогда ждать будетъ некого.

Отъ разныхъ причинъ бываетъ больно, а люди этимъ равняются. Никому не говорила, ни одному человѣку про свое Таня, а Клинушкину просто рассказала, почему не хочетъ конца войны. И онъ это понялъ и больше ничего объ этомъ не говорилъ съ ней, только все справляется у нея о войнѣ, какъ, что тамъ говорятъ на деревнѣ. Новости эти онъ любитъ, обдумываетъ, глядя въ окно на знакомыхъ ему, во всѣхъ подробностяхъ съ дѣтства маленькихъ птичекъ въ саду и по нимъ какъ-то ухитряется связывать мысли.

Въ ненастье, когда всѣ богатые, красивыя птицы умолкаютъ, вылетаетъ изъ дупла стараго дерева худая сѣрая птичка.

— Птица пролетарій—думаетъ Клинушкинъ.

Въ ненастье пролетарій наполняетъ весь садъ однообразнымъ металлическимъ звукомъ:

— Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь.

Клинушкинъ имъ говоритъ:

— Что же, вы хотите, товарищи, вѣчный дождь утвердить, нѣтъ, прогорите.

Со страхомъ объявляетъ Таня:

— Войнѣ скоро конецъ, солдаты дали подписку наступать по всему фронту и разогнать нѣмцевъ.

Это пріятно слышать Клинушкину, спросить его, почему пріятно, не сказалъ бы и очень бы даже удивился вопросу. Кстати, солнышко показывается, поютъ всѣ богатые буржуазныя птицы. Но проходитъ нѣсколько дней, опять дождь, ненастье и опять свиститъ пролетарій.

Таня рассказываетъ:

— Не вышло наступленіе. Посылаютъ на караулъ двухъ человѣкъ, а изъ ямы вылѣзаетъ шестнадцать и зарѣзали.

— Нѣмцы.

— Незвѣстно, какіе-то головорѣзы. Посылаютъ еще двухъ и тѣхъ двухъ зарѣзали.

Шпионы, измѣнники, большевики.

— Ничего незвѣстно. Выходитъ весь полкъ, окружаетъ яму, убили пятнадцать головорѣзовъ. Стали шестнадцатого пытаться. Померъ шестнадцатый и ничего не сказалъ, кто головорѣзы. И не вышло наступленіе.

На фронтѣ новая бѣда, а на деревнѣ будто и знать ничего не хотятъ: играютъ гармоньи и самогонъ льется рѣкой. Вотъ наряженная толпа идетъ съ красными флагами. Клинушкинъ изъ своего окна все видитъ и читаетъ на флагахъ: «Долой помѣщиковъ, да здравствуетъ свободная Россія!». Ораторъ одѣтъ въ черный сюртукъ, на головѣ котелокъ, а штаны зеленые, солдатскіе. Дѣвушки набѣленыя, нарумяненыя спасательными кругами закатали драгоцѣнныя ситцевыя юбки на бедра. Идутъ босыя, а въ рукахъ держатъ новые ботинки. И кажется, будто деревня какой-то пропаціи отъ голода городъ разграбила и нарядилась по-своему.

Не выдержала и Таня, идет и она съ закатанной спасательнымъ кругомъ на могучія бедра ситцевой юбкой послушать красавца-оратора. Чудно и непонятно говоритъ, а какъ хорошо! Земля дается всѣмъ и воля объявляется всѣмъ. Сады помѣщиковъ называются теперь садами общественными. Въ общественныхъ, въ свои сады зоветъ ораторъ.

Ходила съ дѣтства Таня въ господскіе сады поллюксю, теперь входитъ барыней: свои липы, свои елочки, яблони, свои цвѣты. Рвать цвѣты, доставать зеленые яблоки!

И нѣтъ на свѣтѣ ничего, никакого самого сочнаго, самого сладкаго, спѣлаго фрукта вкуснѣе запрещеннаго зеленого яблока, когда оно еще не больше орѣха. И какъ тянетъ почему-то, забравшись на самую макушку старой яблони и всякой высоты, колокольни, лѣстницы, крыши, дома, плюнуть внизъ.

Бьютъ зеленые яблоки, плюютъ сверху внизъ, лущатъ сімечки.

Гармонія играетъ всю ночь.

— Робеспьеры, Робеспьеры!—повторяетъ Клинушкинъ.

Ненавистная раньше ему помѣщица «Каракатица» заѣхала, такъ радъ теперь и Каракатицѣ. Она его утѣшаетъ:

— Евреи начинаютъ потихоньку землю покупать, что это значитъ?

— Значитъ, скоро вѣшать начнутъ, и рубить головы, какъ у французовъ.

А домикъ въ городѣ она ему присмотрѣла.

Обнимая Таню, ораторъ говоритъ:

— Идеино увѣряю тебя, Таня, война кончилась—Ефимъ не придетъ.

Накусывая зеленое яблоко, Таня сама себя удивляется, какъ легко и хорошо все кончилось: и войны больше нѣтъ, и Ефима нѣтъ, а хорошо, будто черное покрывало свалилось.

Играетъ, навариваетъ гармонія, свѣтитъ огонекъ въ барскомъ домѣ.

Жалко Танѣ смотрѣть на огонекъ.

— Хмурый—говоритъ,—сталъ баринъ, невеселый.

— Былъ баринъ,—поправляетъ ораторъ,—теперь гражданинъ.

— Все-таки жалко, хороши человекъ.

— Всѣ они хороши,—отвѣчаетъ ораторъ,—но, конечно, обида, микробъ въ душѣ. Его микробы заѣли.

М. Пришвинъ.

ОБЪ ИСТИННОЙ И ЛОЖНОЙ НАРОДНОЙ ВОЛѢ.

Статья Н. Бердяева.

I.

Послѣ того какъ пала старая русская монархія революція вручила судьбу русскаго государства волѣ народа. Совершеннымъ же выраженіемъ волѣ народа признано было Учредительное Собрание на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Это и есть чистая демократія, чистое народовластіе. Болѣе полугодомъ бушуетъ революціонная стихія, «развивается» и «углубляется» революція, много самочинныхъ организацій претендуютъ быть выразителями воли народа, но надъ всѣмъ возвышается идея Учредительнаго Собрания, какъ верховной инстанціи, къ которой всѣ апеллируютъ. Всѣ хотятъ услышать голосъ сувереннаго народа, такъ долго безмолствовавшего. Одни лишь большевики имѣли смѣлость утверждать, что для нихъ не обязательна воля Учредительнаго Собрания и что они свергнутъ то Учредительное Собрание, которое окажется враждебнымъ ихъ цѣлямъ. Большевики—не демократы, не сторонники принципа большинства. Они не формалисты въ пониманіи народной воли. Для нихъ важно само содержаніе народной воли, само направленіе ея. И они стремятся не къ народовластію, а къ классовой диктатурѣ. Они готовы стать на путь насильственнаго господства меньшинства (революціоннаго пролетаріата столицъ) надъ большинствомъ русскаго народа. Французскіе синдикалисты, съ которыми большевики имѣютъ точки соприкосновенія, тоже вѣдь являются противниками принциповъ демократіи, для нихъ идея демократіи по существу буржуазная. Всѣ же, кромѣ большевиковъ, стоятъ на точкѣ зрѣнія революціоннаго легитимизма, не устойчиваго и половинчатаго. Всѣ без-

помощно хватаются за призрачную законность временнаго правительства въ настоящемъ и за несомнѣнную законность Учредительнаго Собрания въ будущемъ. Въ сущности только большевики и являются носителями революціонной стихіи въ чистой и крайней формѣ. Правда, эта чистая форма революціонной стихіи оказалась очень мутной и грязной, но таковъ ужъ самый предметъ. Всѣ остальные половинчаты и компромиссны. Принципы демократіи—это пореволюціонный легитимизмъ, который держится на остриѣ и ежесекундно можетъ соскочить въ одну или другую сторону. Революціонный переворотъ раскрылъ передъ русскимъ народомъ всѣ пути для свободнаго самоопредѣленія. Посмотримъ, опредѣлялъ ли себя свободно народъ за мѣсяцы революціи и опредѣлитъ ли онъ себя свободно въ Учредительномъ Собраніи, которое должно быть созвано въ самое ближайшее время.

Народная воля—болѣе таинственная вещь, чѣмъ это думаютъ разнаго рода рационалисты. И не такъ-то легко найти способы ея совершеннаго выраженія. Механически-количественное выраженіе народной воли не можетъ быть совершеннымъ. Народъ не есть механическое сложение количествъ. Народъ—живое существо, живущее на протяженіи всей своей исторіи. И опредѣленіе воли народа не есть арифметическая задача, это—процессъ органической. Народная воля, которая на долгое время опредѣлитъ судьбу Россіи, должна быть качествомъ, а не количествомъ. Въ изъясненіи народной воли должна раскрыться какая-то объективная правда, а не средняя линия перекрещивающихся и борющихся интересовъ. Ошибочно было бы интересоваться исключительно формальными при-

знаками выражения народной воли и совершенно не интересоваться содержанием и направлением народной воли. Для всякого, кто вѣритъ въ существование истины и правды, не можетъ быть безразлично духовное состояніе народа, степень его внутренней свободы въ моментъ изьявленія его воли, проникновения этой воли правдой. Лишь убожество духа, внутренняя безсодержательность и опустошенность можетъ держаться исключительно за формальное народовластіе и придавать безусловное значеніе народной волѣ, независимо отъ того, какова она. Въ отвлеченномъ демократизмѣ и конституціонализмѣ есть какая-то неправда, оставляющая на поверхности жизни. Важно не только то, чтобы народная воля была выражена и чтобы въ согласіи съ ней опредѣлилась судьба Россіи, по и то, чтобы эта народная воля была направлена на добро, чтобы ею владѣла Божья правда, а не дѣвольская ложь. Народная воля, какъ всякая эмпирическая человѣческая воля, не можетъ быть обоготворена, не можетъ быть признана высшей инстанціей, выше ея—абсолютная правда, цѣнность, Богъ. Самодержавіе народа такъ же должно быть отвергнуто, какъ и царское самодержавіе, какъ и всякое самодержавіе. Самодержавіе народа должно быть ограничено высшими принципами, верховными цѣнностями. Христіанинъ не можетъ воздавать божескихъ почестей кесарю, онъ не можетъ воздавать божескихъ почестей и народу. Самодержавіе народа есть такое же царство кесаря и оно также несоизмѣримо съ безконечной природой человѣческаго духа. Если народная воля своимъ количественнымъ большинствомъ будетъ истреблять свободу и топтать духовныя цѣнности, то нѣтъ никакихъ основаній склониться передъ ней. Я могу быть вынужденъ физически подчиниться злой силѣ, но не подчинюсь ей нравственно. Принципъ формальной демократіи потому уже не можетъ быть самымъ высшимъ принципомъ общественной жизни, что демократія можетъ быть разной, можетъ быть высокой и низкой, можетъ быть вдохновлена правдой и одержима ложью. А это значитъ, что демократія нуждается въ воспитаніи и духовномъ благоустройствѣ, въ подчиненіи высшимъ цѣностямъ. Выше воли народной стоитъ воля Божья и лишь въ волѣ Божьей нужно искать гарантіи того, что права человѣка и свобода человѣка не будутъ раздавлены и растерзаны. Этой гарантіи нѣтъ въ человѣческомъ произволѣ.

II.

Какъ оцѣнить съ такой философской и религиозной точки зрѣнія народную волю, выражавшуюся въ Россіи въ теченіе этихъ революціонныхъ мѣсяцевъ? Оцѣнка можетъ быть лишь самой пессимистической. Происходитъ самая безстыдная фальсификація народной воли, самая наглая подмѣна и насиліе. Русскій народъ и послѣ революціи не опредѣляетъ себя свободно, изнутри, изъ глубины. Воля его насилуется, ему съ верховъ революціоннаго бюрократизма предписывается, что онъ долженъ думать, чего долженъ хотѣть. Революціонный бюрократизмъ интеллигенціи такъ же фальсифицируетъ народную волю, какъ фальсифицировалъ ее старый бюрократизмъ. Прежде гнали, когда говорили, что воля народа—черносотенная, теперь глутъ, когда говорятъ, что воля народа—красносотенная. Совѣты рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ играютъ теперь роль ана-

логичную той, какую раньше игралъ союзъ русскаго народа и другія черносотенныя организаціи, терроризовавша власть. Воли крестьянства,—большей части русскаго народа, мы не знаемъ, и во всякомъ случаѣ она не выражается въ совѣтѣ крестьянскихъ депутатовъ, въ которыхъ нѣтъ настоящихъ крестьянъ, а есть преимущественно лишь наѣхавшіе изъ-за границы интеллигенты, чуждые русскому народу. Демагогія всегда фальсифицируетъ волю народа, она пользуется темными инстинктами и страстями народныхъ массъ, чтобы совершить насиліе надъ народомъ и подчинить его себѣ. Демагоги заинтересованы въ томъ, чтобы въ народѣ не загорался свѣтъ, чтобы орудія познанія не дѣлали народъ болѣе защищеннымъ противъ всѣхъ соблазновъ и насилій. Демагоги всегда ловятъ рыбу въ мутной водѣ. Они боятся свѣта. Крестьяне хотя бы имѣть побольше земли, но это совсѣмъ не значитъ, что крестьяне—социалисты-революціонеры. Солдаты не хотятъ воевать, но это не значитъ, что солдаты—большевики. Рабочіе хотятъ меньше работать и больше зарабатывать, но это не значитъ, что рабочіе—соціалъ-демократы. Народу нуженъ хлѣбъ, но это не значитъ, что народъ исповѣдуетъ революціонный социализмъ. Такая заграничная и интеллигентская выдумка, какъ социализмъ, народу русскому чужда и непонятна.

Народъ нашъ въ массѣ своей еще темень и самъ еще не знаетъ, чего хочетъ, самъ не опредѣлилъ своей воли. Народъ живетъ элементарными инстинктами и не знаетъ, какое государственное и социальное устройство лучше. Народъ нашъ тяжело боленъ, боленъ душой, онъ переживаетъ глубокий кризисъ, потерялъ свѣтъ старой вѣры и не обрѣлъ никакого новаго свѣта. Народъ находится въ рабствѣ у собственныхъ грѣховныхъ инстинктовъ и страстей, его легко соблазнить и обмануть, легко совершить надъ нимъ насиліе. Тотъ самый простой и темный народъ, который сейчасъ владѣетъ Россіей, совершаетъ погромы и подвергаетъ опасности величайшія цѣнности нашего національнаго, государственнаго и культурнаго бытія, душевно безпомощенъ и беззащитенъ. Каждый можетъ его сбить съ толку и направить волю его въ какую угодно сторону, къ погрому буржуазіи и культурнаго общества, какъ и къ погрому евреевъ и самихъ революціонеровъ. Свободенъ и защищенъ лишь тотъ, кто имѣетъ духовный центръ, въ комъ не расшатано и не ослаблено нравственное ядро. Но у крестьянъ и рабочихъ сейчасъ духовный центръ уже утерянъ, нравственное ядро ослаблено, они находятся въ величайшемъ духовномъ рабствѣ и безпомощности. Когда я бывалъ на уличныхъ митингахъ, мучительное впечатлѣніе производили на меня лица говорившихъ. Казалось, что лопнуть мозги темныхъ людей отъ безсилія разрѣшить поставленные передъ народомъ задачи. Это—жестокость исторіи по отношенію къ народу, который держался въ принудительной тѣмнотѣ. И вотъ народъ этотъ, когда особенно сгустилась тѣма въ немъ и вокругъ него и когда онъ душевно боленъ, призывается рѣшать судьбы русскаго государства, опредѣлять жизнь грядущихъ поколѣній. Выборы въ Учредительное Собраніе будутъ происходить въ физически и душевно ненормальныхъ условіяхъ, фальсифицирующихъ волю народа. Естественно желать, чтобы суверенный народъ высказалъ свою волю въ такой моментъ своего существованія, когда въ немъ горитъ внутренний свѣтъ, когда онъ душевно излѣ-

чится и прекратятся въ немъ судороги одержимаго, когда онъ будетъ внутренно свободенъ, не такъ поработенъ грѣху корысти и злобы, когда онъ подчинитъ волю свою высшей правдѣ. Въ состояннн аффекта, въ припадкѣ раздраженія, въ минуты зависти, ревности и озлобленной мстительности не можетъ быть здороваго изъясненія воли человѣка. То же можно сказать и о народѣ. Воля народа должна рѣшить судьбу всего народа, судьбу Россіи и она не можетъ быть въ этотъ отвѣтственный моментъ раздробленной, въ ней должна быть цѣльность, озаренность идеей единой Россіи. Но идея народнаго единства сейчасъ померкла въ русскомъ народѣ и потому трудно ему рѣшать судьбу цѣлаго.

III.

Свобода народной воли не есть формальное понятіе, она предполагаетъ побѣду въ этой волѣ добра надъ зломъ, Бога надъ діаволомъ. Діаволь—лжець, онъ фальсифицируетъ народную волю, совершаетъ подмѣну, даетъ призрачную безграничную свободу, свободу формальную, по существу же поработщаетъ волю людскую. Формальная безграничная свобода всегда пожираетъ себя, она сгораетъ въ пустотѣ, въ безсодержательности, въ бездѣльности. Грѣховная воля всегда несвободна, она въ плѣну у темныхъ силъ. Самая свободная воля—святая воля. Воля же грѣховная можетъ стать свободной лишь черезъ искупленіе. Искупленіе грѣха дѣлаетъ человѣка свободнымъ. Вотъ почему истинная свобода есть лишь въ христіанствѣ. Нужно остерегаться превращать народовластіе въ народопоклонство. Народная воля не можетъ и не должна быть обоготворена. Недопустимо воздаваніе божескихъ почестей человѣческой волѣ. Поклоняться можно великому въ человѣкѣ, цѣнному въ немъ, его святости и гениальности, его высотѣ, а не просто человѣку, не всякому человѣку и не механическому сложенію людей. И потому вся задача въ томъ, чтобы выявить высокую народную волю, вдохновленную высокими цѣнностями, склоняющуюся передъ святынями.

Мнѣ представляется второстепеннымъ вопросъ о томъ, нужно ли отложить Учредительное Собраніе. И это не можетъ нравственно импонировать, когда борьба за отсрочку Учредительнаго Собранія связывается съ какими-либо интересами. Пора уже смотрѣть на все это съ болѣе глубокой, внутренней точки зрѣнія. Мы должны прежде всего и больше всего желать, чтобы была создана здоровая духовная атмосфера для выраженія воли народа, были найдены условія, благопріятныя повышенію этой воли въ ея качественности и цѣности. А для этого необходимо пробудить свѣтъ въ народной душѣ и освободиться отъ рабствованія грѣховнымъ инстинктамъ и соблазнамъ. Во всѣхъ слояхъ, во всѣхъ классахъ русскаго народа должна явиться жажда искупленія, чувство вины должно побѣдить чувство притязаній. И это чувство

вины должно быть особенно сильно у классовъ господствовавшихъ въ прошломъ. Но съ христіанской точки зрѣнія изъ него никакъ не могутъ быть изъяты и тѣ, которые нынѣ притязаютъ на господство. Мало надежды на то, что духовное оздоровленіе народа совершится мирнымъ, эволюционнымъ путемъ. По всему видно, что лишь катастрофы оздоравливаютъ душу народа, лишь тяжелыя испытанія и трагическія опытыя проверки ложныхъ идей пробуждаютъ лучшее сознание. Рациональными доводами нельзя убѣдить въ высшей жизненной правдѣ. И прежде всего слѣдовало бы перестать придавать абсолютное значеніе такой условной и относительной вещи, какъ Учредительное Собраніе. Для многихъ теперь Учредительное Собраніе есть тотъ баринъ, который пріѣдетъ и всѣхъ разсудитъ. Но нельзя такъ ужъ возлагаться на барина, который можетъ быть и добрымъ и злымъ. Учредительное Собраніе само по себѣ есть лишь пустая форма, которую можно наполнить любымъ содержаніемъ, какъ добрымъ, такъ и злымъ. И всѣ силы должны быть направлены на добытіе этого добраго содержанія... Не формальная воля народа дорога намъ, а воля къ добру. Мы ищемъ могущественнаго выраженія доброй, цѣнной, высокой воли народа.

Когда человѣкъ психически разстроенный дѣлаетъ духовное завѣщаніе, то это актъ нравственно и юридически ничтожный. Духовное завѣщаніе требуетъ вмѣняемости того, кто его совершаетъ. Въ Учредительномъ Собраннн русскій народъ будетъ дѣлать духовное завѣщаніе поколѣніямъ грядущимъ. Для этого въ высшей степени отвѣтственнаго акта онъ долженъ быть душевно здоровъ и вмѣняемъ. И есть основаніе опасаться, что душевной болѣзнью народа и его невмѣняемостью хотя бы воспользуются для поддѣлки и фальсификаціи духовнаго завѣщанія. Наше поколѣніе въ настроеннн даннаго часа не можетъ рѣшать судьбы Россіи, узурпируя волю поколѣній прошедшихъ и поколѣній грядущихъ. Народъ въ состояннн здоровья и вмѣняемости долженъ рѣшать судьбу Россіи не по произволу своей воли, отдавшейся во власть мгновенныхъ настроеній, а по согласію своей воли съ историческимъ существованіемъ въ великомъ прошломъ и великомъ будущемъ. Народъ не есть механическая масса нынѣшняго дня исторнн, онъ есть соборная личность, живущая тысячелѣтіе. И лишь такая соборная воля, сбзнающая преемственную связь временъ, не будетъ фальсифицирована, не будетъ подмѣной великаго цѣлаго ничтожной частью. Въ Россіи происходитъ духовная борьба тѣхъ, которые вѣрятъ въ объективное, абсолютное добро и правду и хотятъ ихъ торжества, съ тѣми, которые вѣрятъ лишь въ благо личности и въ интересы человѣческой массы и хотятъ ихъ торжества. И по сравненію съ этимъ основнымъ религіознымъ противоположеніемъ всѣ остальные противоположенія, связанныя съ борьбой интересовъ, неважны и несущественны.

Николай Бердяевъ.

РЕВОЛЮЦІЯ И САМООПРЕДѢЛЕНІЕ РОССИИ.

Статья Вячеслава Иванова.

I.

Если и передъ лицомъ неотвратимыхъ угрозъ непозволительно отчаиваться въ спасеніи отечества, то и притворствоваться напрасно, и признанья не утаить: чѣмъ кто больше чаялъ, тѣмъ больше похоронилъ онъ чаяній.

Воля ль обманула?
Глубь ли обмелѣла?..

И когда постуною призраковъ входитъ въ душу безымянная и молчаливая надежда, мы знаемъ, что, сбросивъ покрывала и назвавъ свое имя, она не окажется ни одною изъ взлелѣянныхъ нами и похороненныхъ надеждъ. Изъ ихъ могилъ встаетъ эта послѣдняя, единственная, нечеловѣческая надежда, похожая, въ свою очередь, на угрозу,—но потускнѣвшимъ глазамъ какъ узнать въ ней солнце воскресенія? Не ликъ ли Смерти это солнце могилъ? Не Кара ли возрождающая—имя это грозной надежды?.. Или имя ей—Чудо?..

Утолить ли Милость, къ слезамъ семи праведниковъ сокровенныхъ нисшедшая, неутолимый голодь отчаявшагося и горячечно мятушагося народа по правдѣ Божіей, правдѣ земли и Христову закону въ людяхъ,—глубинный, безсознательный и духовный, прежде всего и вопреки всему, голодь, которымъ томится народъ въ своихъ темныхъ нѣдрахъ, когда по наружной видимости отрекается отъ всякой правды и отмѣняетъ всякій законъ?..

Миръ на землѣ! На святой Руси воля!
Каждому доля на нивѣ родной!..

Или же освѣтитъ грядущее утро одни пожарища дымныя и одну мерзость заустѣнія; которой дано будетъ стоять на святомъ мѣстѣ, пока не всколосится на пустоши новый, болѣе духовный и праведный родъ людей?

Россия мечется безъ сознанія. Очнется ли подъ учащаемыми ударами рокового молота,—того, что нѣкогда, дробя стекло, ковалъ булатъ? Придетъ ли въ себя? Не слишкомъ ли поздно опомнится? Но, видно, только въ тотъ часъ, когда она вспомнитъ о душѣ своей и о Богѣ, вспомнитъ и о ней Богъ...

То, что писалъ я подъ новый, 1906 годъ,—зналъ ли я, что во всей мѣрѣ оно исполнится только черезъ двѣнадцать лѣтъ? Тогда ли уже зачались роды, «страшныя муки» коихъ предвѣщаль еще Достоевскій,—роды, облегчить которые я звалъ въ этихъ строкахъ богиню-родовспомогательницу, свѣтлую Люцину,—или я упредилъ ужасъ грядущаго при первыхъ, еще глухихъ боляхъ роженицы?

Такъ, въ срамѣ крови, въ смрадѣ пепла,
Изъявлена, истощена,
Почти на Божій день ослѣпла
Многострадальная страна!
Къ тебѣ безжалостна Люцина
Была, о мать, въ твой часъ родонъ,

Когда послѣдняя година
Замкнула ветхій кругъ годовъ,—
Когда старинныя зачатъя,
Что ты подъ сердцемъ понесла,
Въ кровяхъ и корчахъ ты въ объятъя
Зловѣщей Паркѣ предала.
Кто душу юную взлелѣеть?
Какой блюститель возроститъ?
Чей духъ надъ ней незримо вѣетъ?
Что за созвѣздіе блеститъ?
Свою жъ грызущій, въ буйствѣ яромъ,
Отъ плоти плоть, отъ кости кость,
Народъ постигнетъ ли, что съ даромъ
Къ нему приходитъ нѣкій Гость?
Гдѣ ангелъ, что изъ яслей вынетъ
Тебя, душа грядущихъ дней,
И скопища уойицъ раздвинетъ,
И сонмы мстительныхъ тѣней?..
Елей разлитъ; свѣтильня сохнетъ;
Лампада праздная темна:
Такъ въ тлѣнии медленномъ заглохнетъ
Многострадальная страна...
Но да не будетъ! Скрой, Люцина,
Дитя надеждъ отъ хищныхъ глазъ!
Все переменится въ насъ, что глина;
Но сердце, сердце—какъ алмазь!

II.

Мы, мнящіе себя на высотѣ пространнѣйшихъ кругозоровъ, должны положить починъ покаянію всенародному и, первые, изъ состоянія всеобщей одержимости демонами растлѣнія и унынія, безпаметства и ожесточенія безсильной ярости и трусливой дерзости—притти въ разумъ истинный, исполниться смиренномудріемъ и мужествомъ, вспомнить прежнюю вѣрность—не знаменамъ, не разъ вылинявшимъ и не разъ перекрашеннымъ, но живой родинѣ и народу-лицу,—не народу-понятію,—и вѣковѣчнымъ устоямъ пронесенныхъ имъ чрезъ вѣка чаяній Христовой правды на землѣ.

Нынѣ же покаяніе намъ облегчено:

Страшно встрѣтиться съ Христомъ
Не во вретисѣ и прахѣ;
Легче каяться на плахѣ,
Чѣмъ на тронѣ золотомъ...

И кто скажетъ: «не въ чемъ России каяться, ибо все, что творится, добро зѣло»,—если не умышленно лжесвидѣтельствуешь, то самъ одержимъ и болѣеть волею, и мысль его помрачена пагубнымъ наводненіемъ гражданственнаго самоубиства. Я обращаюсь къ видящимъ нашъ позоръ и распадъ, безстыдство и бѣснованіе. Если они подлинно чувствуютъ себя трезвыми на буйной оргіи, зачѣмъ же, какъ благо-родно сказалъ недавно нѣкто, издѣваются они надъ уничтоженіемъ народнаго лика, какъ издѣвался нѣкогда Хамъ надъ наготою великаго отца своего, охмелѣвшаго по первомъ сборѣ винограда? Они обвиняютъ въ измѣнѣ цѣлому самоутвердившися въ отрывѣ отъ цѣлаго части народа и лицемѣрно приписываютъ другой части, къ которой принадлежать сами и которую своекорыстно противопоставляютъ дру-

гумь, повторяя их отступничество,—справедливость непристрастного суда и верховный разум отечества? Они дерзают говорить за родину, но непохож на голос матери их бездушный, металлический голос. Они также призываютъ къ покаянію, но не слышатся въ ихъ рѣчахъ слезы и смиреніе кающихся; да и не знаютъ они за собой никакого грѣха, и патриотическое ихъ самобичеваніе такъ искусно, что удары бича не задѣваютъ единственно ихъ самихъ.

Иначе представляю я себѣ всенародное покаяніе,—этотъ первый подходъ къ самоопредѣленію всенародному. Поистинѣ, вмѣсто того, чтобы корить и избличать то былыхъ сѣятелей,—что пшеница-де, ими посѣянная, перемѣшана была съ плевелами, и вотъ-де, выгосли плевелы и заглушили пшеницу,—то «бунтующихъ рабовъ», разгулявшись, какъ пьяные илоты, то нѣмецкихъ приспѣшниковъ и прихвостней, то чужеродныхъ присельниковъ, отравляющихъ-де наши духовные колодцы,—лучше намъ, вмѣсто всѣхъ этихъ нареканій, узнать въ искаженныхъ чертахъ больной и неистовствующей Россіи—ее самое, и съ нею—насъ самихъ.

И, прежде всего, не мы ли, носители и множители просвѣщенія и свободы духа, издавна творили въ Россіи другую Россію и учили народъ любить нашу и ненавидѣть прежнюю съ ея преданіемъ и исторической памятью, религіей и государственностью? Не мы ли стирали всѣ старыя письмена съ души народной, чтобы на ея голой, пустой доскѣ начертать свои новыя уставы беспочвеннаго чловѣкобожія? Намъ было легко это дѣло, потому что мы воздѣйствовали на варварскую стихію тѣхъ равнинъ,

Гдѣ заносить непогоды
Безмянные гроба...

Мы сѣяли забвеніе святынь, и вотъ—стоимъ передъ всходами безпамятства столь глубокаго, что самое слово «родина» кажется намъ многозначнымъ и ничего не говорящимъ сердцу символомъ, чужимъ именемъ, пустымъ звукомъ. Слишкомъ дорожную цѣну давали мы судьбѣ за низверженіе стараго деспотическаго строя,—и вотъ расплачиваемся за свободу ущербомъ независимости, за провозглашеніе социальной правды—невозможностью осуществить свободу, за самоутвержденіе въ отрывѣ отъ цѣлаго—разложениемъ единства, за ложное просвѣщеніе—одичаніемъ, за безвѣгіе—безсиліемъ.

III.

Говорятъ тайновидцы, что на порогѣ духовнаго перерожденія встаетъ передъ чловѣкомъ стражъ порога, преграждающій ему доступъ въ свѣтлѣйшія обители. Горе путнику духа, если онъ не превозможетъ этого препятствія: напрасно окровавилъ онъ ноги на трудныхъ тропахъ восхожденія; онъ отбрасывается назадъ и долженъ начинать путь сызнова, со дна глубочайшихъ низинъ. Какимъ же является чловѣку роковой стражъ-испытатель? Имъ самимъ, его собственнымъ двойникомъ, собравшимъ и отразившимъ въ своемъ обличии все низшее и темное, что доселѣ пятнало бѣлую когда-то одежду паломника и мрачило въ немъ образъ и подобіе Божіе. Нельзя мнѣ ни оттолкнуть, ни обойти, ни уговорить стража; и обличить его въ лживой пустой призрачности также нельзя, не обличивъ самого себя, не узнавъ въ немъ

своего же двойника, не усмотрѣвъ и не постигнувъ, что нѣтъ въ его ужасающемъ явленіи ни одной черты, которая не была бы создана мною самимъ и не отпечатлѣла съ неумолимою, погрязающею вѣрностью всѣхъ затаенныхъ извилинъ моей глубочайшей грѣховности. И если, «съ отвращеніемъ читая жизнь мою», я, въ самомъ трепетѣ этого сжигающаго меня проникновенія, все же не утрашу своего живого зеркала и не утрачу вѣры въ свое истинное Я, видя его въ столь печальномъ искаженіи и униженіи,—тогда только я могу двинуться навстрѣчу двойнику и пройти черезъ него, сквозь него—къ тому, что за нимъ,—кто за нимъ... Если я найду въ себѣ сосредоточенную силу прильнуть къ тому, что во мнѣ воистину Я Самъ, если сольюсь въ своемъ сознаниіи со своимъ во мнѣ вѣчно живущимъ и всечасно забвеннымъ ангеломъ, который—не кто иной, какъ Я истинный, Я, изначала и впервые сущій,—тогда, свѣтлый и мощный, могу я сказать своему двойнику: «ты—я», и свѣтъ мой вспыхнетъ въ немъ и сожжетъ темную личину, и, открывая передо мной слѣпительный путь, онъ скажетъ мнѣ, проходя, благодарный, мимо: «ты—путь»...

Россія стоитъ у порога своего инобытія, и видитъ Богъ, какъ она его алчетъ. Стражъ порога, представшій передъ ней въ дикомъ искаженіи, ея же собственный образъ. Кто говоритъ: «это не Россія»,—безсознательно тянетъ ее внизъ, въ бездну. Кто говоритъ: «отступимъ назадъ, вернемся къ старому, сдѣлаемъ случившееся не бывшимъ»,—толкаетъ ее въ пропасть сознательно. Кто хочетъ пронзить и умертвить свое живое подобіе, умерщвляетъ себя самого. Народъ,—я говорю о всѣхъ и о каждомъ изъ насъ,—долженъ обрѣсти свое глубинное Я въ свѣтѣ религіознаго сознанія. Только сосредоточеніе въ тѣхъ глубинахъ духа, гдѣ умолкаетъ страсть и впервые слышится голосъ совѣсти, позволить ему переступить порогъ новой жизни. Только пробужденіе религіозной совѣсти дастъ ему силы сказать своему двойнику: «ты—я, но—какимъ вижу тебя—не весь, явись же мною всецѣло». Самоопредѣленіе народа будетъ истиннымъ лишь тогда, когда станетъ цѣлостнымъ. Это значитъ: когда оно станетъ религіознымъ.

IV.

Самоопредѣленіе народное доселѣ не обнаружилось. Ибо то, что мы называемъ революціей, не было народнымъ дѣйствіемъ, но только—состояніемъ. Оттого и бездѣйственнымъ оказалось дѣло дѣйствующихъ. Отношенія силъ остались тѣ же, что при старомъ строѣ: внизу народъ, не находящій въ себѣ силъ не только самоопредѣлится дѣйственно, но и выйти изъ состоянія политической безучастности, близкой къ безсознательности; вверху—воздѣйствующія на него групповыя энергіи, правительственныя силы, ему внѣположныя, какъ при старомъ строѣ, и при всей дѣловитости пораженныхъ творческимъ безсиліемъ, смущенныя невозможностью найти единящую идею, претворимую въ плоть и кровь народной жизни, и не могущія свести концовъ съ концами.

Старое самодержавіе незамѣтно осѣло и сошло со своихъ оснований вмѣстѣ съ паденіемъ крѣпостнаго права. То, что съ тѣхъ поръ именовалось стариннымъ именованіемъ, было по существу династическою диктатурой въ странѣ, гдѣ основы общественнаго уклада

рухнули, гдѣ все шаталось и было временнымъ, переходнымъ, ползучимъ, какъ полустывшая лава. Природа верховной власти, какъ безсрочной диктатуры, изобличалась неложнымъ признакомъ: терроромъ сверху и терроромъ снизу. Рухнула и эта власть; личина упала, и хроническая анархія обнаружила передъ глазами всѣхъ свое истинное лицо. Въ эпоху паденія крѣпостного права народъ-Сфинксъ задалъ свою загадку: «земля». Въ дни распада истлѣвшей личности самодержавія народъ простоналъ и проскржеталъ все то же единственное слово. Ему отвѣтили съ верховъ революционной мысли, что самый надежный способъ леченія есть самоизлеченіе при помощи учредительнаго собранія, а въ ожиданіи послѣдняго и для достойнаго къ нему предуготовленія принялись утѣшать выписными теоріями, не рѣшаясь, впрочемъ, чрезмѣрно настаивать на ихъ непосредственной осуществимости; въ цѣляхъ же наилучшаго усвоенія народомъ утѣшительныхъ ученій безотлагательно взялись за его перевоспитаніе, уча его, прежде всего, новымъ словамъ и представляя первымъ условіемъ завоеванія всѣхъ вождѣльныхъ благъ—умѣнье говорить о реальныхъ вещахъ языкомъ не прилипающихъ къ нимъ, но поверхъ скользящихъ отвлеченныхъ понятій. Благонамѣренный и наивный обманъ не пользовалъ, однако, ни мало: народъ глухо ропталъ, между тѣмъ какъ апостолы революціоннаго благовѣстія утверждали завоеванія революціи, оформляя хаотическую, глухонѣмую и волнующуюся стихію наложеніемъ на нее своихъ словесныхъ схемъ и беспочвенныхъ нормъ. Демагоги лучше поняли положеніе, позвавъ всѣхъ заразъ къ безначалю и взаимострелбленію, прежде же всего—къ забвенію и поруганію святыни отечества. Имъ сочувственно отвѣтило множество умовъ, извѣрившихся во всемъ, и значительное число воль, не медлящихъ приведеніемъ мысли въ отвѣчающее ей дѣйствіе.

V.

Революція—зѣ условіемъ смыслѣ, — революція, какъ дѣйствіе дѣйствующихъ,—сознательно ими обмѣршена, т. е. отвлечена и отсѣчена отъ религіи. Послѣдней она не довѣряетъ и боязливо отъ нея прячется. Поясню, что я говорю не объ отношеніи революціи къ церкви, какъ религіозной организаціи, но объ ея отношеніи къ завѣтамъ и цѣностямъ порядка религіознаго въ сознаніи личномъ и всенародномъ. Всѣ обособившіяся группы и партіи готовы повторять: «религія есть частное домашнее дѣло каждаго». Но эта подсказанная политическою тактикою безсмыслица (ибо нелѣпо вообще говорить про наиболѣе единящую изъ силъ, что она не соборное, а частное и домашнее дѣло),—оказывается въ явномъ противорѣчій съ самою сущностью «революціи», инстинктивно понятой народомъ въ смыслѣ кореннаго и цѣлостнаго преобразованія всей народной жизни. Религія именно нѣчто, въ глубочайшемъ значеніи слова личное—и, въ то же время, во всеобъемлющемъ смыслѣ общее. Гдѣ есть цѣлостность личнаго или общественнаго сознанія,—есть и религія. Россія—не арифметическое слагаемое изъ партій и группъ; но волею духовной цѣлостности доселѣ не можетъ вдохновиться наше революціонное строительство,—вдохновиться и впервые ожить.

Обмѣршеніе, о которомъ я говорю, придаетъ тому,

что мы называемъ революціей,—какъ это ни странно сказать,—характеръ давней интеллигентской оторванности верховъ нашей сознательной общественной мысли и воли отъ народа. Интеллигенція, какъ общественная группа, связанная явно или тайно принесенною «Аннибаловой клятвой»,—клятвой прямо или посредственно, жертвеннымъ ли дѣйствіемъ или только полу-нѣмымъ исповѣданіемъ вѣры и косвеннымъ соучастіемъ бороться до конца противъ единого врага, русскаго самодержавія,—эта группа естественно упразднилась, какъ таковая, съ упраздненіемъ самодержавія. Но, умирая, интеллигенція оставила свое наслѣдство массамъ, и массы толпятся, жадно расхватывая наслѣдство по клочкамъ.

Интеллигенція накопила для революціи обильный запасъ международныхъ шаблоновъ и трафаретовъ, и наше революціонное дѣйствіе состоитъ въ приспособленіи этихъ готовыхъ и условныхъ формъ къ хаотической данности реального народнаго бытія. Отсюда—ближайшая потребность въ такъ называемой «просвѣдательной дѣятельности»,—въ распространеніи упомянутыхъ шаблоновъ, какъ единоспасающей системы цѣнностей, долженствующей замѣстить старую систему—эплоть стараго государственнаго строя. О томъ, что у народа могутъ быть свои цѣнности, подавленные старымъ строемъ и не укладывавшьясь безъ искаженія въ новыя, извнѣ навязываемыя формы,—кто объ этомъ догадывается, кто этому вѣрить? Всѣ увѣрены, что любая жажда народнаго возрожденія къ инобытію безъ труда можетъ быть пригнана подъ соотвѣтствующій номеръ—хотя бы наличныхъ избирательныхъ списковъ. Наши революціонные дѣятели и властители нашихъ политическихъ думъ, какъ стоянцы у кормила, такъ и простирающие къ кормилу руки, унаслѣдовали всѣ навыки старой бюрократической и полицейской власти, чуждой народу по духу, происхожденію, выучкѣ и пріемамъ господствованія.

Какъ бы то ни было, въ новой системѣ выписныхъ цѣнностей «всякой возможной революціи», предназначенныхъ осуществить и упрочить завоеванія революціи русской,—не нашлось мѣста для религіи. И всѣ русскіе люди, увлеченные революціонною переоцѣнкою старыхъ цѣнностей, оказались отвлеченными отъ той «частной», интимной, домашней и, стало быть, не гражданской, а обывательской психологии, принадлежностью коей была, безъ лишнихъ словъ, единодушно признана—вѣра. Но, оказавшись безъ религіи, оказываются эти русскіе люди, къ великому огорченію благонамѣренныхъ дѣятелей революціи, весьма несовершенно усвояющими себѣ и новую систему цѣнностей, даже до практическаго, а подчасъ и теоретическаго надъ нею глумленія.

Примѣръ послѣдняго видѣли мы въ чрезвычайно примѣчательномъ, съ точки зрѣнія философской, спорѣ между Керенскимъ и забунтовавшимъ солдатомъ. Министръ революціи предлагалъ ему сложить свою голову за свободу русской демократіи, а солдатъ находилъ, что, когда его убьютъ, судьба свободы будетъ для него безразлична. Гордые узелъ вскрывшихся противорѣчій, обнаружившихъ коренную несовмѣстимость обѣихъ точекъ зрѣнія (философъ, пожалуй, усмотрѣлъ бы въ ней даже «антиномію»), послѣ долгаго, будто бы, поединка взглядовъ, вперенныхъ противниками одинъ въ другого, былъ, говорятъ, разрубленъ приказомъ министра арестовать

ослушника. Другой теоретически возможный выход заключался бы въ соподчинении обоихъ взглядовъ единому верховному мѣрилу—правдѣ религиозной. И если бы въ солдатѣ заговорили струны вѣры въ безсмертіе души и христіанскіе завѣты самопожертвования, вмѣстѣ съ христіанскимъ же чувствованіемъ свободы, какъ перваго условія правыхъ отношеній между людьми,—я не знаю, какъ бы онъ высказался о своемъ пониманіи гражданскихъ и воинскихъ обязанностей, но во всякомъ случаѣ онъ не проявилъ бы столь позорнаго—не только съ гражданственной, но и съ религиозно-нравственной точки зрѣнія—цинизма.

VI.

Русское жизнеощущеніе отличается своеобразная особенность, не сводимая исключительно къ нашему «варварству», ибо та же черта проявляется и на вершинахъ нашей образованности, чему нагляднымъ примѣромъ можетъ служить Левъ Толстой. Я говорю о томъ, что для русскаго человѣка истинныя цѣнности суть цѣнности единственно религиозныя; всѣ же другія, которыя можно было бы назвать производными и промежуточными—между тѣми безусловными, божественными цѣнностями и цѣнностями простого жизненнаго инстинкта и бытія матеріальнаго,—какъ-то заподозриваются русскимъ умомъ, недостаточно имъ уважаются, легко отрицаются, и при первомъ одержаніи разрушительными страстями, злорадно и безудержно растаптываются. Ихъ спасеніе у насъ—въ освященіи религиозномъ; если нѣтъ для нихъ религиознаго оправданія, онѣ держатся, до поры, до времени, лишь силою бытового преданія, которая придаетъ имъ какъ бы освященіе земли,—а земля для русскаго человѣка священна, она принадлежитъ въ его глазахъ къ числу цѣнностей, если не прямо, то отраженно, религиозныхъ. Что же сказать о цѣнностяхъ новыхъ, не поддержанныхъ ни завѣтами неба, ни святынею земли, ни человѣческимъ преданіемъ?

Всеобщее обміршеніе всѣхъ руководящихъ понятій неизбежно проводитъ русскую душу черезъ мрачную пустыню практическаго нигилизма, гдѣ живутъ только звѣри и гдѣ звѣрѣетъ самъ человѣкъ. Закономѣрно, чтобы остротѣ обміршенія отвѣчало у насъ возрастаніе и углубленіе анархій. Обезбоженіе народа—его обездушеніе; обездушенный, онъ обезличенъ и обезчещенъ. Массы забыли честь Россіи, потому что онѣ забыли свою душу; душу забыли, потому что потеряли лицо; лицо потеряли, потому что утратили Бога. Мы же хотимъ, чтобы революція была истиннымъ возрожденіемъ народа, чтобы дѣйствіемъ всенародной воли народъ обрѣлъ свое лицо, свое истинное бытіе свое утвержденіе правды Божьей.

Тѣ, которые желаютъ дѣйствительнаго торжества демократіи, неложнаго, существеннаго упроченія и углубленія добытыхъ революціей благъ (каковыми

являются реализація народнаго суверенитета, вмѣстѣ съ вытекающимъ отсюда закономъ равенства, и предоставленіе народу формальныхъ путей устроить свою жизнь, въ предѣлахъ естественныхъ возможностей, согласно велѣніямъ всенародной соборной правды),—тѣ чаютъ свободнаго, цѣлостнаго, самобытнаго волеизвлеченія народа и знаютъ (съ этимъ могутъ согласиться даже невѣрующіе), что какъ воистину свободнымъ, такъ цѣлостнымъ и самобытнымъ можетъ оно быть лишь тогда, когда за дѣло творчества новой Россіи возьмется религиозная народная совѣсть. Не дѣловитость разсудочная и оторванная отъ духовныхъ основъ бытія, но лишь дѣятельность одухотворенная достойна именоваться творчествомъ. Революція же, поскольку она не исчерпывается разрушеніемъ, должна быть именно творчествомъ. Иначе ея ураганъ выкорчуетъ сады и роши и нетронутыми оставитъ глухія дебри, гдѣ ютится мракъ и водится лютое звѣрье. Не затѣмъ молимся мы объ оживленіи религиозныхъ силъ народа, что хотѣли бы сдѣлать случившееся не случившимся и вернуть народъ къ прежнему покою тлѣнія,—но затѣмъ, что хотимъ, чтобы случилось то, чего еще не случилось, чтобы началась новая жизнь, чтобы приблизилась въ насъ къ воплощенію святая соборность—не только въ духѣ, но и въ бытіи вещественномъ, въ народномъ владѣніи землею и всѣмъ что даетъ трудящимся на ней кормилица и мать—Земля. Ибо сроки приблизились, и духъ народа торопитъ придверниковъ, ограждающихъ двери его воплощенія.

VII.

Подведемъ итоги.

Революція прогекаетъ внѣрелигиозно. Цѣлостное самоопредѣленіе народное не можетъ быть внѣрелигиознымъ. Итакъ, революція не выражаетъ донинѣ цѣлостнаго народнаго самоопредѣленія.

Революционное дѣйствіе, принужденное ограничиваться провозглашеніемъ отвлеченныхъ схемъ общественной мысли и гражданской морали, какъ новыхъ основъ народнаго бытія,—бездѣйственно. Революционное состояніе, при невозможности явить себя въ творческомъ дѣйствіи, принимаетъ характеръ состоянія болѣзненнаго, избличаемаго грозными симптомами растущей анархій и общей разрухи, развитіемъ центробѣжныхъ, въ раздѣленіи и раздорѣ самоутверждающихся силъ и распаденіемъ цѣлостнаго духовнаго организма народнаго на мертвыя части.

Революція или оставитъ на мѣстѣ Россіи «груды тлѣющихъ костей», или будетъ ея дѣйствительнымъ перерожденіемъ и какъ бы новымъ, впервые полнымъ и сознательнымъ воплощеніемъ народнаго духа. Для истиннаго свершенія своего въ указанномъ смыслѣ она должна явить цѣлостное и, слѣдовательно, прежде всего религиозное самоопредѣленіе народа.

Вячеславъ Ивановъ.

СПОРЪ КНЯЗЯ Е. Н. ТРУБЕЦКОГО СЪ ПРОФ. ТИТЛИНОВЫМЪ.

Статья Священника Сергѣя Соловьева.

I.

Вопреки ожиданіямъ, вопросъ о русскомъ патріаршествѣ на Московскомъ Соборѣ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Разочарованный профессоръ Духовной Академіи Титлиновъ помѣстилъ въ «Русскомъ Словѣ» замѣтку противъ патріаршества и подкрѣпилъ свои взгляды цитатой изъ Голубинскаго. На Титлинова рѣшительно возсталъ князь Е. Н. Трубецкой и на страницахъ «Утро Россіи» энергично защищалъ принципъ патріаршества.

Разногласіе между двумя профессорами сводится, собственно, къ одному пункту: связана идея патріаршества съ монархическимъ принципомъ или нѣтъ. Для проф. Титлинова принципъ патріаршества тождественъ съ принципомъ монархизма и папизма. Идея патріаршества чужда первохристіанской древности, она развивается къ IV вѣку. Сначала за первенство въ церкви борются патріархъ александрійскій съ римскимъ, затѣмъ мѣсто александрійскаго занимаетъ константинопольскій, наконецъ, побѣждаетъ римскій, и съ тѣхъ поръ патріаршее начало чуждо православерму Востоку, если не считать папистической попытки Никона. Теперь, когда въ государствѣ нашемъ монархическое начало замѣнено республиканскимъ и демократическимъ, идея патріаршества является угрозой для демократіи, за церковнымъ монархизмомъ таится монархизмъ политическій, контръ-революція. Князь Е. Н. Трубецкой возражаетъ, что принципы «папизма» и государственнаго монархизма находятся всегда въ конфликтѣ, что доказывается примѣромъ Никона, что русское патріаршество не только не приведетъ къ реставраціи монархіи, но и возможнымъ стало только послѣ сверженія монархіи.

Проф. Титлиновъ совершенно правъ, утверждая, что принципъ патріаршества монархиченъ. Въ данномъ случаѣ возможны только двѣ концепціи церковнаго строя или церкви съ самаго начала, на берегахъ Галилейскаго озера, получила отъ небеснаго основателя строй монархическій, или республиканско-демократическій. Первый взглядъ послѣдовательно проведенъ въ церкви римской. Къ пятому вѣку въ этой церкви твердо устанавливается ученіе о трехъ главныхъ патріархатахъ, основанныхъ или самимъ апостоломъ Петромъ (антіохійскій, римскій), или его ученикомъ (александрійскій, основанный Маркомъ). Самъ Христосъ, по мнѣнію, римской церкви, далъ Петру единодержавную власть надъ прочими учениками. Такъ должно вѣчно быть въ церкви. Церковная монархія основана на началѣ мистическомъ, на вѣрѣ въ преемство Петра и преемство ему римскихъ епископовъ. Возвышеніе константинопольской каюедры незаконно, какъ вызванное причинами не мистическаго, а государственнаго порядка. Другая точка зрѣнія у протестантовъ, которую раздѣляетъ и профессоръ Титлиновъ. По протестантскому ученію, евангеліе учитъ равенству. Возвышеніе римской и

другихъ каюедръ произошло по внѣшнимъ, историческимъ причинамъ, это—результатъ искаженія первоначальныхъ, чистыхъ основъ христіанства, какъ искаженіемъ является и догматика IV вѣка. Но, будучи послѣдовательны, протестанты не ограничиваются отрицаніемъ евангельскихъ основъ патріаршества, но отрицаютъ такое евангельское происхожденіе епископата и даже священства. Лютеръ выступилъ съ ученіемъ о «всеобщемъ священствѣ христіанъ».

Положеніе византійскаго Востока въ данномъ случаѣ было неопредѣленно. Въ цѣляхъ полемики съ Римомъ примать Петра постепенно началъ отрицаться на Востокѣ. Но тогда притязанія константинопольскаго патріарха на роль «патріарха вселенскаго» теряли всякую религіозную и мистическую опору. Эти притязанія покоились исключительно на политическомъ значеніи Константинополя, какъ «царскаго города», и съ утратой имъ этого значенія, естественно, превращались въ ничто. Когда же въ Россіи богословская школа радостно приняла протестантскія опроверженія примата Петрова и отрицаніе этого примата стало общимъ мѣстомъ нашихъ учебныхъ руководствъ, идея патріаршества не осталось мѣста. Для олютераненнаго Востока единственной законной формой правленія является коллегія епископовъ.

Энергичный противникъ римскаго католицизма, преосв. Антоній Харьковскій (бывшій Волынскій), однако, измѣнилъ себѣ, и въ 1913 году, по случаю пріѣзда въ Россію патріарха антіохійскаго, написалъ замѣтку, гдѣ связывалъ верховныя права антіохійскаго патріарха надъ церквами православнаго Востока—съ фактомъ основанія антіохійской церкви апостоломъ Петромъ. Такимъ образомъ, противникъ католицизма нѣвольно сталъ на почву католицизма, обосновывая права патріарха на фактѣ основанія каюедры первоверховнымъ апостоломъ.

Проф. Титлиновъ глубоко правъ, утверждая, что побѣда патріаршаго начала есть побѣда монархическаго принципа надъ соборнымъ. Неправъ онъ въ томъ, что видитъ въ возрожденіи церковно-монархическаго принципа опасность контръ-революціи. По вѣрному замѣчанію кн. Е. Н. Трубецкаго, монархизмъ политическій неизмѣнно враждуетъ съ монархизмомъ церковнымъ на протяженіи европейской исторіи, и, обратно, государственный абсолютизмъ находитъ себѣ союзника въ идеѣ церковной соборности, или, точнѣе сказать, коллегальности. Замѣтимъ еще и то, что лучшая, искренняя и благородная часть русскихъ монархистовъ связывала свои упованія на царя именно съ идеей «главы православной церкви» или, въ смягченной формѣ, «покровителя православія». Психологія монархизма церковнаго близка къ психологіи государственнаго монархизма, здѣсь Титлиновъ правъ. Но когда пале монархизмъ государственный, пале не отъ внѣшнихъ ударовъ, а отъ внутренняго процесса разложенія, отъ потери всякаго религіознаго и государственнаго значенія и превратился въ «мер-

зость запустѣнія на мѣстѣ святомъ», неутоленная жажда монархизма найдетъ себѣ лучший исходъ въ монархизмѣ церковномъ. Съ этой стороны демократическое правительство России можетъ смотрѣть на патріаршество, какъ на предохранительный кланъ, куда безшумно выйдутъ накопившіеся пары монархическаго настроенія. Всѣ завѣты православія воплотятся въ главѣ церкви, какъ въ своемъ центрѣ и завершени, сфера государственная отдѣлится отъ церковной, и отъ государства будетъ зависѣть, заключить ли союзъ съ церковнымъ обществомъ или заняться его разрушеніемъ. Во второмъ случаѣ государство будетъ располагать всѣми внѣшними средствами борьбы, у церкви же останется одно орудіе проповѣди и самоотверженіе. Во всякомъ случаѣ средневѣковая картина борьбы церкви съ государствомъ при помощи меча не можетъ повториться.

II.

Если принципъ церковной монархіи на Западѣ вступилъ въ многовѣковую борьбу съ принципомъ монархіи политической, то иное видимъ мы на Востокѣ и особенно въ Россіи. Яркій эпизодъ борьбы Никона съ царемъ Алексѣемъ исказилъ для насъ исторію русскаго патріаршества, случайный эпизодъ исторіи патріаршества представляется намъ характернымъ для всей эпохи его существованія. Учрежденіе патріаршества въ Россіи совпадаетъ съ моментомъ высокаго развитія самодержавія, оно учреждено по инициативѣ царя и не только не имѣло цѣлью ограниченіе царской власти, но съ самаго начала явилось ея пассивнымъ органомъ. Патріаршество не только не помѣшало развитію московскаго цезаропапизма, но окончательно его закрѣпило.

«Если учрежденіе патріаршества», говоритъ проф. Каптеревъ, «было у насъ, съ одной стороны, исключительно дѣломъ свѣтской власти, вовсе, конечно, и не думавшей поступить этимъ какими-либо своими прежними правами въ пользу духовной..., то, съ другой стороны, учрежденіе у насъ патріаршества вовсе не вызывалось и какими-либо настоятельными причинами, лежавшими во внутреннемъ строѣ и характерѣ нашей церковной жизни... Патріаршество, по отношенію ко всей совокупности нашей внутренней церковной жизни, было явленіемъ чисто-внѣшнимъ, случайнымъ, не затрогивавшимъ ея прежнихъ основъ, направленія и характера, всегда остававшимся только на ея поверхности, не вносящимъ въ нее ничего новаго, обновляющаго прежній церковный строй жизни и ея прежніе традиціонные порядки. Съ учрежденіемъ патріаршества получилась не новая какая-либо церковная сила, а только внѣшнее украшеніе церкви. Московскій патріархъ по своему общественному и церковному положенію, по своимъ духовнымъ нравамъ былъ совершенно то же, что и московскій митрополитъ» (Н. О. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, II, 58—59).

Первый митрополитъ московскій Ювъ былъ избранъ по повелѣнію царя, большую роль играла здѣсь и политика Годунова, утвердившаго свое вліяніе на царя черезъ посредство подручнаго ему патріарха. Наконецъ, Филаретъ Никитичъ Романовъ, какъ отецъ государя, окончательно слилъ церковь и государство, но съ обратномъ порядкѣ, чѣмъ было на Западѣ. Если тамъ патріархъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ

царскую власть, то въ Москвѣ царь черезъ своего отца самодержавно управлялъ церковью. Иная картина получилась при Никонѣ. Никонъ возобновилъ древній тезисъ христіанской церкви: священство выше царства. Этотъ завѣтъ первыхъ вѣковъ христіанства, сохранившійся въ Римѣ, забытый въ Византіи, противопоставилъ Никонъ замѣнившейся системѣ русскаго цезаропапизма. Но это единственное проявленіе у насъ церковной независимости было не только вырвано съ корнемъ, но даже Никонъ былъ обвиненъ въ «папизмѣ», въ «латинствѣ». Мы не рѣшаемся довѣрять показаніямъ Кульчинскаго (въ его *Specimen historiae Ruthemcae*, сочиненіи, обильномъ сомнительными фактами) о томъ, что Никонъ, удалившись въ Новый Іерусалимъ послѣ своей опалы, сталъ тайнымъ католикомъ, но самое возникновеніе этой легенды характерно. Востокъ былъ «царскою церковью» и предпочелъ ей оставаться, даже когда царь устроилъ русскую церковь на основаніи голландскаго каноническаго права.

Теперь передъ нами вопросъ. Возстановленное русское патріаршество послѣдуетъ ли завѣтамъ Никона и станетъ оплотомъ церковной свободы, или, какъ это было при учрежденіи патріаршества, будетъ только «внѣшнимъ украшеніемъ церкви», органомъ государственной власти? Но какой же власти? Тогда была власть царя. Теперь патріаршеству остается только быть органомъ «демократической республики»...

Князь Е. Н. Трубецкой, очевидно, желаетъ такого патріаршества, которое не будетъ, выражаясь словами Каптерева, «новой церковной силой», а только «внѣшнимъ украшеніемъ церкви». Онъ признаетъ необходимость сдѣлать патріарха «подогчетнымъ собору» и «первымъ между равными епископами». Другими словами, юрисдикція патріарха ничѣмъ не будетъ отличаться отъ юрисдикціи первоприсутствующаго члена Синода. Вопросъ о патріарствѣ сводится только къ вопросу о титулѣ. Но время ли спорить о титулѣ, когда русская церковь буквально находится на краю гибели? Хорошее дѣло украшать церковь, но именно украшеній-то у нашей церкви хоть отбавляй, самая «украшенная» церковь въ мірѣ, а если чего ей не хватаетъ, то «церковной силы».

Истинный патріархъ не можетъ себя мыслить иначе, какъ патріархомъ вселенскимъ. Такъ до сихъ поръ мыслить себя патріархъ константинопольскій, патріархъ римскій, такъ мыслить себя и единственный московскій патріархъ не на бумагѣ, а на дѣлѣ, великій Никонъ, такъ мало оцѣненный въ Россіи и нашедши себѣ въ Англии достойнаго апологета въ лицѣ Пальмера. Намъ непонятно, почему князь Е. Н. Трубецкой придаетъ такое значеніе дѣлу переименованія «первоприсутствующаго члена синода» въ «патріарха».

За патріаршество высказались, между прочимъ, крестьяне. Я слышалъ, что они аргументируютъ такъ: «Мы не знаемъ, что такое синодъ, намъ нуженъ отецъ, пастырь, патріархъ». Таковъ гололъ чистаго, народнаго, православнаго сердца. Тогда какъ ученые члены собора высказываютъ опасеніе, что патріархъ станетъ стѣной между ними и Христомъ, съ которымъ они наслаждаются постояннымъ внутреннимъ общеніемъ, и съ возмущеніемъ говорятъ объ образѣ «пастыря и стада» (образъ, принадлежащій рѣчи Христа), смиренный православный крестьянинъ именно и хочетъ быть сыномъ и овцою, ищетъ единаго отца и

пастыря, который привелъ бы его въ овчарню Христову. Предлагать этой жадѣ православнаго народа бумажнаго, титулярнаго патріарха, незастрахованнаго отъ самыхъ сомнительныхъ вліяній извнѣ, значить играть народнымъ чувствомъ.

Намъ надо начинать не съ патріаршества, а съ возстановленія церковной вселенности. Всего удивительнѣе, что, говоря о возстановленіи патріаршества, соборъ, не вспомнилъ о существованіи двухъ «вселенскихъ патріарховъ», во второмъ и первомъ Римѣ, изъ которыхъ первый всегда почитался главой русской церкви, а второй почитался главой церкви вселенской въ эпоху вселенскихъ соборовъ. Возстановленіе патріаршества, при сохраненіи государственнаго или національнаго характера нашей церкви, едва ли дастъ какіе-нибудь результаты. Въ согласіи съ Голубинскимъ, и Владиміръ Соловьевъ писалъ: «Тогда какъ глава государства есть законный представитель

нации, какъ таковой, и іерархія, которая хочетъ быть національной и только національной, должна волею-неволею признавать свѣтскаго государя своимъ безусловнымъ владыкой» (Владиміръ Соловьевъ. Владиміръ Святой и христіанское государство, 33).

Не могу не закончить этой замѣтки выраженіемъ одного сожалѣнія. Когда читаешь споры о русскомъ патріаршествѣ, невольно жалѣешь, что продолжительная болѣзнь не позволяетъ члену собора, заслуженному проф. Н. Ѳ. Каптереву принять участие въ преніяхъ по вопросу о русскомъ патріаршествѣ. Авторитетъ этого маститаго ученаго разрѣшилъ бы многія недоразумѣнія, и съ исторіи русскаго патріаршества слетѣла бы обманчивая дымка церковной свободы, которую создалъ единственный борецъ за права теократіи, заподозрѣнный въ латинствѣ и заточенный на Бѣлое море, патріархъ Никонъ.

Священникъ Сергій Соловьевъ.

ПРОЕКТЪ ЗОЛОТОГО ЗАЙМА.

Статья Проф. Пав. Гензеля.

Главная причина неуспѣха нашей государственной кредитной политики за время войны и особенно за послѣдніе мѣсяцы послѣ революціи заключается въ полной неувѣренности держателя процентныхъ бумагъ относительно будущей расцѣнки рубля. Никакіе приемы компенсаціи этого риска, въ формѣ ли предоставленія выигрышей, или въ формѣ податныхъ привилегій (какъ я рекомендовалъ и подробно мотивировалъ уже давно; см. мою «Финансовую реформу въ Россіи», изд. Общества им. Чупрова вып. III стр. 45 слѣд.) подписчикамъ на наши военные займы и на «Заемъ Свободы», къ сожалѣнію, представлены не были. Поэтому оставался только одинъ путь предупрежденія безудержной работы печатнаго станка: принудительный заемъ. Дѣло въ томъ, что если бы вся масса гражданъ Россіи была вынуждена подписаться на займы во время войны приблизительно въ одинаковой пропорціи къ суммѣ своего имущества и дохода (см. мой проектъ въ № 24 «Вѣстника Финансовъ» за 1917 г.), то дальнѣйшее обезцѣненіе валюты получило бы значеніе болѣе или менѣе одинаковаго для всѣхъ ограниченія дохода: отъ паденія цѣнности денегъ пострадаютъ всѣ капиталисты и при томъ въ болѣе или менѣе одинаковомъ размѣрѣ. Теперь же лицо, подписывающееся на заемъ, поступаетъ патристично..., но оно проигрываетъ по мѣрѣ паденія цѣнности валюты. И вся лихорадочная скупка акцій и городскихъ недвижимостей производится въ расчетъ именно на то, чтобы изъавить себя отъ перспективы обезцѣненія денегъ. Однако, министерство финансовъ до сихъ поръ не выпустило даже выигрышнаго займа ¹⁾,

¹⁾ Благоприятное для этого время безнадежно утеряно, и сейчасъ успѣхъ выигрышнаго займа, послѣ того, какъ въ публикѣ воцарился паническій (несомнѣнно, преувеличенный) взглядъ на якобы безнадежное состояніе нашего рубля, конечно, долженъ быть болѣе скромнымъ, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Да и проектируемая въ министерствѣ финансовъ форма выигрышнаго займа изъ низкаго процента, но съ большими выигрышами, мало цѣлесообразна, но объ этомъ я подробно писалъ на страницахъ «Вѣстника Финансовъ» № 18 за т. г. и въ своей «Финансовой реформѣ въ Россіи», вып. III стр. 28 слѣд.

не говоря уже о томъ, что оно отклонило мой проектъ податныхъ воздѣйствій или привилегій, а равно и проектъ принудительнаго займа. Сейчасъ трудно высказаться въ пользу немедленнаго осуществленія даже этихъ предложенныхъ мною въ свое время мѣръ, такъ какъ наши государственные финансы расшатаны до крайняго предѣла (въ томъ числѣ не въ малой долѣ вслѣдствіе промедленія въ повышеніи ставокъ дѣйствующихъ акцизовъ и отсутствія сколько-нибудь удовлетворительно поставленной кредитной политики), а примѣненіе вышеназванныхъ столь крайнихъ мѣръ можетъ имѣть успѣхъ лишь въ относительно спокойной атмосферѣ денежнаго рынка...

Еще одна, правда весьма радикальная мѣра спасенія нашей займовой политики все же остается у насъ еще въ формѣ *золотого займа*, т.-е. такого займа, по которому подписчику дается гарантія, что онъ не пострадаетъ отъ будущаго обезцѣненія валюты. Выпустить золотой заемъ въ чистомъ видѣ и обѣщать, что по купонамъ новаго займа платежъ будетъ произведенъ золотомъ въ видѣ имперіаловъ и полуимперіаловъ,—довольно самонадѣянно, да и мало обоснованно, ибо и фискъ самъ долженъ былъ бы теперь требовать отъ подписчиковъ валюту въ золотѣ, а вѣдь никто не захочетъ и едва ли многіе смогутъ подписываться на заемъ золотомъ. Съ другой стороны, заграничный заемъ въ фунтахъ стерлинговъ, долларахъ, франкахъ и т. д. также трудно осуществимъ—мы всецѣло зависимъ здѣсь отъ нашихъ союзниковъ, не говоря уже о томъ, что ростъ заграничной задолженности въ формѣ обычныхъ займовъ въ иностранной валютѣ на покрытіе военныхъ расходовъ, крайне и невѣроятно обременителенъ вообще. Тѣмъ не менѣе, извѣстный суррогатъ золотого займа у насъ несомнѣнно возможенъ и долженъ имѣть серьезный успѣхъ. Попытку спроектировать подобный заемъ и составлять содержаніе нижеслѣдующихъ строкъ.

Для русскаго капиталиста, приобретающаго въ настоящее время государственную процентную бумагу, нужна прежде всего и выше всего гарантія будущаго курса рубля. Но выпустить сейчасъ заемъ,

по которому дана такая гарантия курса, и не дать того же в отношении ранѣ выпущенныхъ займовъ значить тяжело задѣть интересы нынѣшнихъ владельцевъ процентныхъ бумагъ; хотя успѣхъ новаго займа самъ по себѣ повлечетъ за собою устойчивость курса русскаго рубля, однако, можно опасаться усиленной распродажи прежнихъ, не гарантированныхъ в отношении курса фондовъ на предметъ приобрѣтенія облигацій новаго займа. Отсюда слѣдуетъ, что нашъ «золотой заемъ» (будемъ такъ называть его для краткости) долженъ предусмотрѣть слѣдующія детали: 1) дѣйствительный процентъ по займу долженъ быть ниже процента существующихъ займовъ по ихъ нынѣшней курсовой расцѣнкѣ, дабы не вызвать дополнительнаго стимула къ отчужденію облигацій прежнихъ займовъ; 2) необходимо предоставить право обмѣна прежнихъ займовъ на новый въ теченіе опредѣленнаго срока; 3) оплата процентовъ, а в послѣдствіи и самаго капитала, должна исчисляться на золотую валюту, но самый платежъ практически не можетъ, по общему правилу, осуществляться въ формѣ платежей наличнымъ золотомъ; 4) необходимо устроить такую систему созданія фонда (потребнаго па оплату % и капитала по займу), при которой государство могло бы реально гарантировать валюту, т. е. въ худшемъ случаѣ оплачивать свои обязательства, хотя и бумажными деньгами, но по такому курсу, который соотвѣтствовалъ бы курсу иностранной, сохранившейся размѣнъ на золото, валюты, и при томъ въ достаточной практичной формѣ, и въ случаѣ надобности, съ реальной возможностью для капиталиста получить эту самую заграничную валюту; 5) опредѣлить срокъ займа, условия погашенія и другія обычныя условия всякаго займа.

Золотой заемъ, выпущенный хотя бы изъ скромнаго процента, можетъ обойтись казнѣ необычайно дорого, если произойдетъ дальнѣйшее паденіе бумажной валюты: переплата на курсѣ можетъ дойти до 10—15%. Поэтому заключеніе золотого займа предполагаетъ прежде всего рядъ капитальныхъ мѣръ общаго характера въ финансовой области, именно, главнымъ образомъ повышение государственныхъ доходовъ, поднятіе общаго благосостоянія страны, регулированіе заграничнаго расчетнаго баланса и т. п. Однако безъ этихъ мѣръ мы все равно вообще не выйдемъ изъ заколдованнаго круга: перспектива обезцѣненія валюты служить главнымъ и непреодолимымъ препятствіемъ къ увеличенію у насъ подписки на государственные займы, а въ свою очередь займы есть единственная надежда на предупрежденіе дальнѣйшаго безудержнаго печатанія бумажныхъ денегъ. Поэтому гарантія курса совершенно неизбежна, если мы вообще серьезно разсчитываемъ на заключеніе новыхъ военныхъ займовъ, а тѣмъ болѣе, если мы хотимъ подготовить почву и для будущихъ производительныхъ займовъ. Словомъ, *рискъ ухудшенія валюты долженъ взять на себя государство, иначе оно не получитъ необходимыхъ суммъ*. Впрочемъ, въ періодъ нынѣшней ужасающей экономической разрухи, гдѣ все болѣе сокращается накопленіе капиталовъ, а выпускаемыя бумажки безнадежно проваливаются въ нѣдрахъ крестьянской массы, вообще все болѣе затрудняется размѣщеніе какихъ бы то ни было займовъ...

Простѣйшимъ типомъ новаго золотого займа явля-

ется заемъ, заключенный на вновь созданную и официально провозглашенную золотую валюту. Въ свое время мною была предложена ко введенію у насъ новая денежная единица—золотой граммъ въ качествѣ международной денежной единицы (см. 3 выпускъ моей «Финансовой реформы въ Россіи», изд. Общества им. А. И. Чупрова, стр. 56 слѣд.). Такая единица—граммъ чистаго золота—равенъ по паритету 1,29 руб. на дѣйствующую золотую русскую валюту (рубль=17,424 доли чистаго золота), 3,44 фр., 2,73 шилл., 2,79 герм. марки, 2,95 австр. кронъ. Если бы намъ удалось заключить соглашеніе съ союзниками о взаимномъ признаніи новой валюты и организовать совмѣстный золотой фондъ на предметъ взаимной гарантіи оплаты «золотыхъ граммовъ» золотомъ, то выпускъ займа въ такой валютѣ могъ бы имѣть исключительный и повсемѣстный успѣхъ. Однако, это—дѣло будущаго, когда вообще будетъ приступлено къ осуществленію новой монетной системы на основѣ «золотого грамма». Поэтому придется вырѣшить нашу задачу на иныхъ и, очевидно, болѣе сложныхъ основаніяхъ.

На демократизацию государственныхъ займовъ у насъ, какъ это ни печально, разсчитывать не приходится. Впрочемъ, и опытъ Запада рѣшительно опровергаетъ идею о томъ, что широкіе слои населенія могутъ имѣть рѣшающее значеніе въ дѣлѣ успѣха военныхъ займовъ (даже въ Германіи; см. статью Риссера въ «Банкъ-Архивъ» отъ 1 мая 1917 г.). Слѣдовательно, можно вообще ограничиться высококупюрнымъ займомъ, а съ другой стороны построить заемъ на такихъ основаніяхъ, которыя допускаютъ известную сложность условій займа. При необычайныхъ техническихъ затрудненіяхъ, существующихъ сейчасъ въ дѣлѣ самаго печатанія какихъ бы то ни было новыхъ облигацій, не слѣдуетъ также преуменьшать значенія того, чтобы всячески поощрялось размѣщеніе займа въ видѣ именныхъ записей въ Государственномъ Банкѣ и сберегательныхъ кассахъ. Все это могло бы быть скомбинировано въ займѣ слѣдующаго типа.

Прежде всего технически самый трудный вопросъ: какъ гарантировать опредѣленный курсъ валюты новаго займа? «Золотой заемъ» можетъ гарантировать валюту двоякимъ образомъ: 1) гарантировать золотой курсъ валюты по оплатѣ только самаго капитала или 2) гарантировать въ этомъ отношеніи какъ платежъ капитала, такъ и самыхъ процентовъ. Въ первомъ случаѣ заемъ неизбежно долженъ быть сравнительно краткосроченъ, ибо иначе держатель бумаги рискуетъ понести слишкомъ большія потери при реализаціи купоновъ въ обезцѣненной валютѣ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Во второмъ случаѣ, заемъ можетъ быть разсроченъ на большое число лѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть выпущенъ изъ болѣе низкаго процента, однако въ этомъ случаѣ и государство беретъ на себя болѣе значительный рискъ. Я полагаю бы целесообразнымъ выпустить одновременно оба типа такого займа.

Итакъ, остановлюсь на краткосрочномъ «золотомъ займѣ» перваго типа. Онъ могъ бы быть выпущенъ изъ 5½ процентовъ альпари при полугодныхъ купонахъ (или, лучше изъ 5% по паритетному курсу, т. е. 94½%) на 15-ти лѣтний срокъ съ тѣмъ, чтобы выплата капитала была произведена ежегодными

тиражами, начиная съ 11-го года ¹⁾. Владѣлец облигации приобретаетъ при тиражѣ право: 1) или получить капиталъ въ рубляхъ кредитныхъ по номинальной стоимости облигации; 2) или получить капиталъ въ рубляхъ кредитныхъ по среднему курсу рубля за послѣдніе шесть мѣсяцевъ (за исключеніемъ послѣднихъ 15 дней) до тиража при переводѣ (исходя изъ нынѣшняго паритета) на англійскіе фунты стерлинговъ, или франки, или доллары, или голландскіе гульдены, или скандинавскіе кроны на мѣстныхъ биржахъ въ зависимости отъ того, если въ соответствующихъ странахъ будетъ существовать размѣнъ на золото и произойдетъ пониженіе расцѣнки нынѣшняго курса рубля; или 3) получить капиталъ въ рубляхъ кредитныхъ въ суммѣ, соответствующей нормамъ расчета за золото монетнымъ дворомъ (согласно ст. 54 Монетнаго устава, изд. 1899 г.) съ наивысшей преміей, какая будетъ установлена въ періодъ времени за шесть мѣсяцевъ по срокъ тиража облигаций за приобретаемое въ казну золото, исходя изъ расцѣнки каждыя ста рублей номинальныхъ облигаций равными 28 рублямъ золотомъ (приблизительно; см. поясненіе ниже); или 4) получить капиталъ въ иностранной валютѣ (англійскихъ фунтахъ стерлинговъ, франкахъ, долларахъ, голландскихъ гульденахъ или скандинавскихъ кронахъ, поскольку въ подлежащихъ странахъ будетъ существовать размѣнъ на золото) по расчету курса каждыя ста рублей облигации равными 2 ф. 17 ш. 13/4 п. въ англійской валютѣ (приблизительно; вопросъ идетъ о расцѣнкѣ рубля по современной наилучшей расцѣнкѣ на лондонской биржѣ именно по курсу 350 за 10 L; см. объясненіе ниже), столькимъ франкамъ и т. д.; и или, наконецъ, 5) получить капиталъ въ золотыхъ рубляхъ, считая рубль равнымъ 17,424 долямъ чистаго золота, но по расчету, что за каждыя сто рублей номинальныхъ облигации будетъ выплачиваться 27 рублей въ золотой монетѣ (цифра эта дана приблизительно; она требуетъ тщательнаго изслѣдованія; подробное объясненіе см. ниже).

Облигации должны имѣть, кромѣ обычныхъ купонныхъ листовъ, два тиражныхъ талона: 1) первый—предоставляющій на случай тиража право удовлетворенія по пункту первому; 2) второй—на право использования дополнительной льготы сообразно пунктамъ 2—5, если эта льгота превышаетъ норму удовлетворенія по талону № 1 (т.-е., на случай ухудшенія курса рубля). Первый, второй и третій способы удовлетворенія зависятъ отъ желанія облигационера, однако второй способъ удовлетворенія, по усмотрѣнію министерства финансовъ, можетъ быть замѣненъ 4 или 5 способомъ; въ случаѣ же заявленнаго облигационеромъ желанія получить удовлетвореніе сообразно пунктамъ 4 или 5, министерству финансовъ должно быть предоставлено право выбора: либо предоставить владѣльцу тиражной облигации иностранную валюту (на любую изъ перечисленныхъ подъ № 4 валютъ, поскольку въ подлежащей странѣ имѣется размѣнъ на золото) въ видѣ чека, перевода или купона на соответствующую сумму, либо удовлетворить его въ порядкѣ льготы № 5, т.-е. выплатой наличнымъ золотомъ. Чтобы, однако, гарантія этого рода (т.-е. удовлетвореніе иностранной валютой или

¹⁾ Я отнюдь не настаиваю на предложенныхъ курсахъ. Заемъ 5% альпари при полугодныхъ купонахъ фактически стоитъ 5,87%, а паритетный ему 5% заемъ на 15 лѣтній срокъ долженъ быть выпущенъ по курсу 95,88%.

золотомъ) не повлекла за собою чрезмѣрныхъ потерь и опасностей для казны въ будущемъ, правительство должно теперь же заключить нѣкоторыя соглашенія съ союзниками, съ одной стороны, и съ золотопромышленными компаниями,—съ другой. Такое соглашеніе вполне возможно и могло бы имѣть шансы на успѣхъ. Въдѣ въ данномъ случаѣ на союзниковъ ложилась бы задача предоставленія Россіи валютнаго займа, т.-е. обязательство предоставить въ будущемъ при наступленіи тяжелыхъ для Россіи экономическихъ условій иностранную валюту въ видѣ займа. Эта операція менѣе обременительна, чѣмъ нынѣшнія прямыя субсидіи, а безболѣзненное выполнение ея для союзниковъ могло бы быть гарантировано особымъ соглашеніемъ съ золотопромышленными предприятиями Россіи въ томъ смыслѣ, что имъ государство обѣщаетъ специальную премію, вплоть до премии, соответствующей курсу рубля на лондонской биржѣ (или на биржахъ странъ, имѣющихъ размѣнъ на золото) за предоставленіе Монетному двору золота сверхъ нормальнаго производства рудника или даже вообще. Другими словами, Монетный дворъ взялъ бы на себя обязательство—въ случаѣ ухудшенія курса рубля за границей—оплачивать каждыя 17,424 доли чистаго золота, доставленнаго въ казну, по такому курсу, какой по паритету—или съ нѣкоторой скидкой—причитается за кредитные рубли въ англійской валютѣ на лондонской биржѣ, при чемъ премію этого рода можно было бы обусловить усиленіемъ добычи золота сверхъ обычнаго минимума производства рудника или, въ крайнемъ случаѣ, безъ специальной оговорки этого рода.

Въ интересахъ созданія максимума гарантіи за курсъ рубля при подпискѣ на «золотой заемъ», и, слѣдовательно, въ интересахъ успѣха займа я полагаю бы возможнымъ предоставить держателямъ облигаций право присоединять купоны всѣхъ или любыхъ сроковъ къ тиражному листу съ полученіемъ удовлетворенія по номинальной стоимости купоновъ на тѣхъ же основаніяхъ, какія даны и самимъ облигациямъ, т.-е. въ формѣ тѣхъ же пяти льготъ, которыя предоставлены тиражнымъ облигациямъ. Въ этомъ случаѣ облигационеръ, не желая нести чрезмѣрной потери на курсѣ рубля (буде это произойдетъ) при реализаціи купоновъ, могъ бы отложить таковую реализацію до выхода облигации въ тиражъ и предоставить ее совмѣстно съ купоннымъ листомъ всѣхъ или нѣкоторыхъ сроковъ; отсрочка же въ реализаціи купоновъ могла бы компенсироваться платежомъ минимальнаго процента съ тѣмъ, чтобы купоны присчитывались къ номинальной стоимости облигации. Въ случаѣ подписки на заемъ въ формѣ именной записи въ Государственномъ банкѣ, сберегательныхъ кассахъ или комиссіи погашенія долговъ надлежало бы предоставить скидку въ подписномъ курсѣ. Съ другой же стороны, я считаю возможнымъ установить особый, повышенный курсъ подписки (или соответственно пониженный процентъ по купонамъ) для тѣхъ подписчиковъ на «золотой заемъ», которые пожелали бы гарантировать себѣ болѣе высокій, чѣмъ нынѣ существующій (намѣченный въ схемѣ пяти льготъ для тиражныхъ облигаций) курсъ рубля по расчету на золото или на иностранную золотую валюту. Это могло бы быть сдѣлано по опредѣленнымъ трафаретамъ, съ высокими купюрами (не менѣе 1000 руб.) и главнымъ образомъ въ видѣ именныхъ записей.

По существу дѣла, мы имѣли бы здѣсь одинъ изъ видовъ *репортной операции*,—операции, безъ которой мы едва ли обойдемся въ будущемъ, особенно если мы серьезно стремимся вызвать приливъ иностранныхъ капиталовъ (ср. по этому поводу совершенно справедливыя указанія г. Ломейера въ № 13/14 «Вѣстника Финансовъ» за т. г.).

Предложенный мною въ перечнѣ «льготъ» курсъ вездѣ взятъ приблизительно и основанъ на современной (въ началѣ октября с. г.) расцѣнкѣ рубля на лондонской биржѣ (350 руб. за 10£). Однако, я отнюдь не настаиваю на *этой* именно расцѣнкѣ и допускаю, въ интересахъ успѣха займа, болѣе льготную гарантию курса, именно на принципахъ репортной операции. Если я считаю неправильной, или по меньшей мѣрѣ крайне спорной политику нашей кредитной канцелярии, которая продаетъ иностранную валюту по сильно преуменьшенной расцѣнкѣ (особенно до послѣдняго времени), то я не вижу серьезныхъ оснований къ исключительно пессимистической расцѣнкѣ курса рубля на заграничныхъ рынкахъ черезъ 10—15 лѣтъ послѣ войны. Конечно, все это—чисто гадательно, но едва ли государство имѣетъ право весь рискъ ухудшенія валюты, т.-е. послѣдствія своей неудачной финансовой и фискальной политики, возлагать на капиталистовъ, ссужающихъ ему свои капиталы. Для государства это все равно безнаказанно пройти не можетъ, а между тѣмъ капиталисты, въ виду необезпеченности валюты, естественно направляютъ и будутъ направлять свои капиталы на дивидендную цѣнность, недвижимость, товары и т. д. часто по абсурдной или явно преувеличенной расцѣнкѣ къ сильнѣйшему вреду для общей экономики нашего государства. Вѣдь такіе пріемы публики въ свою очередь имѣютъ послѣдствіемъ дальнѣйшее обезцѣненіе рубля и новыя затрудненія для государственнаго казначейства... Вотъ почему гарантія нѣсколько повышеннаго курса (по аналогіи съ повышенной расцѣнкой рубля въ иностранныхъ курсахъ нашей Кредитной канцеляріи) является вполне приемлемой. вмѣстѣ съ тѣмъ альтернативная возможность оплаты облигацій наличнымъ золотомъ могла бы быть обезпечена соотвѣтствующими соглашениями съ золотопромышленными компаниями. Какъ уже сказано, государство могло бы стимулировать повышенную добычу золота выдачей специальныхъ премій за излишки добычи противъ обычной разработки, въ томъ числѣ въ размѣрѣ такой премии, которая соотвѣтствуетъ расцѣнкѣ рубля на лондонской биржѣ. Такое предложеніе исходило со стороны золотопромышленниковъ текущимъ лѣтомъ, однако, въ теченіе войны подобная операція представляется спорной,—но она могла бы въ измѣненной формѣ быть приурочена къ нуждамъ покрытія «золотого займа». Необходимо лишь, чтобы условія платежа наличнымъ золотомъ были нѣсколько менѣе выгодны для облигаціонера, чѣмъ оплата рублями кредитными по расчету на иностранную валюту или на сдаваемое въ казну золото (ср. льготы № 3, 4 и 5), такъ какъ наличное золото желательно возможно полнѣе сосредоточить въ Государственномъ банкѣ и устранить всякій лишній стимулъ къ утечкѣ его изъ нашего центрального эмиссионнаго учрежденія. Поскольку же отливъ золота окажется неизбѣжнымъ по условіямъ состоянія расчетнаго баланса, то такая операція единственно цѣлесообразно могла бы проводиться лишь самимъ Государственнымъ банкомъ.

«Золотой заемъ», гарантируя опредѣленную расцѣнку рубля, можетъ имѣть успѣхъ и среди иностранныхъ капиталистовъ, смягчая вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ нѣкоторыя обычныя отрицательныя послѣдствія, какія происходятъ отъ заключенія заграничнаго займа въ иностранной валютѣ для страны съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ. Если бы золотой заемъ былъ заключенъ, допустимъ, просто въ фунтахъ стерлинговъ, это могло бы создать при колебаніяхъ нашего вексельнаго курса на Лондонѣ болѣе тяжелыя условія для государственнаго казначейства, чѣмъ система репортной операціи, положенной въ основу настоящаго проекта «золотого займа». Дѣло въ томъ, что при ухудшеніи курса рубля у держателей облигаціи не возникаетъ обычнаго при иныхъ условіяхъ стимула къ реализаціи своихъ требованій въ иностранной валютѣ: гарантія курса не создаетъ иностранцу премии на собственной валютѣ, но даетъ премию въ русской валютѣ, слѣдовательно, побуждаетъ къ дальнѣйшему удержанію или использованию капитала въ Россіи. Напримѣръ, при курсѣ рубля въ Лондонѣ 350 р. за 10£ англійскій капиталистъ, купившій за 2860 £ на 100.000 руб. облигацій, можетъ при выходѣ облигацій въ тиражъ потребовать на худой конецъ выплаты тѣхъ же 2860 £, каковы бы ни были курсъ на Лондонѣ, а въ случаѣ ухудшенія курса до 400 р. за 10 £ онъ можетъ реализовать помѣщенный капиталъ уже за 114.400 рублей кредитныхъ (если русское казначейство не найдетъ для себя болѣе выгоднымъ удовлетворить наличнымъ золотомъ или вернуть ссуду въ иностранной валютѣ). Если же курсъ рубля, наоборотъ, улучшится, то у того же капиталиста ужь во всякомъ случаѣ не будетъ стремленія къ истребованію капитала тиражныхъ облигацій въ иностранной валютѣ, и онъ будетъ прямо заинтересованъ въ полученіи удовлетворенія въ кредитныхъ рубляхъ: наше казначейство вернетъ ему тѣ же 100.000 рублей, какъ и получило при подпискѣ на заемъ, но эта сумма, при улучшеніи курса, на примѣръ, до 250 р. за 10 £, представитъ реальную цѣнность уже въ 4.000 £. Другими словами, русское казначейство будетъ находиться въ дѣлѣ золотого займа въ совершенно одинаковомъ положеніи какъ въ отношеніи русскаго капиталиста, такъ и въ отношеніи иностраннаго капиталиста, и будетъ вынуждено вернуть валюту займа въ худшемъ случаѣ въ томъ же количествѣ фунтовъ стерлинговъ, которые были заняты въ 1917 г., или въ лучшемъ случаѣ въ томъ же количествѣ рублей, которые были реализованы русскимъ правительствомъ въ моментъ заключенія займа въ томъ же 1917 году. По сравненію съ займомъ строго въ иностранной валютѣ это—несомнѣнный плюсъ для должника, т.-е. для русскаго государства.

Успѣхъ «золотого займа» и особенно возможность заключенія его на гораздо болѣе продолжительный срокъ будетъ зависѣть отъ того будетъ ли гарантія курса распространена также и на купоны. Расширеніе этой гарантіи можетъ представить только внѣштехническія затрудненія, но всѣ вышеописанныя пріемы гарантіи по тиражнымъ облигаціямъ остаются одни и тѣ же и для срочныхъ купоновъ. Купоны могли бы, подобно самымъ облигаціямъ, дѣлиться на два или пять (по виду пяти способовъ гарантіи) отрѣзковъ, при чемъ держатель пользовался бы правомъ отрѣзывать ту часть, которая соотвѣтствуетъ формѣ получаемого удовлетворенія. Напримѣръ, отрѣ-

зывая срочный купонъ съ отрѣзкомъ № 1, облигационеръ приобрѣталъ бы право на получение процентовъ лишь въ рубляхъ кредитныхъ на номинальную сумму купона; предъявляя же къ оплатѣ срочный купонъ съ отрѣзкомъ № 2, предъявитель долженъ погасить въ кассѣ Государственного банка всѣ остальные отрѣзки купона, послѣ чего онъ получаетъ удовлетворение по отрѣзку № 2, согласно вышеуказаннымъ приемамъ и условіямъ гарантіи (въ рубляхъ кредитныхъ по среднему курсу на иностранную валюту, т.-е. по официально объявленному министерствомъ финансовъ курсу или въ порядкѣ льготъ подъ № 4 или 5, ср. выше). Было бы чрезвычайно важно, для упрощенія техники дѣла и въ интересахъ фискальныхъ и кредитныхъ вообще, поощрить именную форму подписки на заемъ этого рода, съ обезличенномъ ли и бесплатнымъ храненіемъ въ Государственномъ банкѣ или, еще лучше, въ формѣ именныхъ записей, на возможно упрощенныхъ основаніяхъ, въ государственной долговой книгѣ (черезъ посредство Государственного банка, сберегательныхъ кассъ, казначействъ и т. д.). Минимальная купюра могла бы быть, если одновременно будетъ выпущенъ «золотой заемъ» перваго типа (т.-е. съ гарантіей курса только тиражныхъ облигаций), 1000 рублей номинальныхъ.

Въ случаѣ выпуска «золотого займа» на вышеуказанныхъ условіяхъ—я считаю цѣлесообразнымъ выпускъ одновременно обоихъ типовъ «золотого займа», именно, одного—краткосрочнаго, другого—долгосрочнаго,—очень важно предусмотрѣть вопросъ о возможности усиленной реализаціи всѣхъ ранѣе выпущенныхъ займовъ на предметъ «гарантіи курса», а слѣдовательно и массовое паденіе курсовъ «по всей линіи» прежнихъ государственныхъ займовъ. Серьезнымъ средствомъ противодѣйствія было бы въ этомъ случаѣ, какъ вскользь упомянуто выше, пониженіе дѣйствительнаго процента «золотого займа» по сравненію со всѣми предыдущими, заключенными въ рубляхъ кредитныхъ. Другимъ способомъ удовлетворенія публики, ищущей аналогичныхъ гарантіи для прежнихъ займовъ, было бы право скрытой конверсіи, но только при условіи именныхъ записей. Напримѣръ, владѣлецъ облигацийъ прежнихъ займовъ пользовался бы правомъ, переведя ихъ въ пакетъ именныхъ облигацийъ, получить по опредѣленной расцѣнкѣ—съ нѣкоторымъ пониженіемъ противъ паритета—соотвѣтствующую сумму именной записи на облигации «золотого займа». На практикѣ, это свелось бы къ широкому примѣненію «репортной операціи» по отношенію къ прежнимъ займамъ за счетъ скидки въ размѣрѣ платимыхъ процентовъ (въ этомъ выразалась бы скрытая конверсія) и за счетъ пониженія расцѣнки прежнихъ займовъ противъ паритета «золотого займа» (въ этомъ выразалась бы плата за предоставленіе репорта). Неудобныя стороны именныхъ записей (въ отношеніи онколя и т. д.) могли бы быть парализованы соотвѣтствующими постановленіями закона (о достаточности записей, какъ документовъ, гарантирующихъ ссуду и т. п.).

Впрочемъ, если «золотой заемъ» будетъ имѣть

крупный успѣхъ, то это должно повлечь за собою улучшеніе курса рубля. Это, въ свою очередь должно улучшить расцѣнку и прежнихъ займовъ, слѣдовательно, отпадетъ стимулъ къ конверсіи и къ домогательствамъ о предоставленіи репорта. Неуспѣхъ же займа будетъ означать отсутствіе въ публикѣ интереса къ гарантіи курса, т.-е. отпадетъ и самый смыслъ въ реализаціи прежнихъ займовъ на предметъ покупки облигации новаго—«непопулярнаго»—займа.

Между тѣмъ, необычайно высокая и не сообразная съ доходностью расцѣнка нашихъ займовъ, выпущенныхъ въ золотой валютѣ или признающихъ размѣнъ на иностранную валюту, показываетъ дѣйствительную потребность и спросъ на займы съ гарантированнымъ на золото курсомъ. Поэтому «золотой заемъ» безусловно долженъ имѣть успѣхъ. Конечно, для успѣха займа необходимо и другое кардинальное условіе: рациональная финансовая и фискальная политика на будущее время. Въдѣ характерно въ этомъ отношеніи настроеніе публики, которая, съ трудомъ поддаваясь на «Заемъ свободы», въ трехдневный срокъ подписывается на два слишкомъ миллиарда по желѣзнодорожному займу при самыхъ въ остальномъ неблагоприятныхъ условіяхъ денежнаго рынка. Ничтожная дополнительная гарантія, въ видѣ доходовъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ (изъ коихъ многія едва-едва сводятъ концы съ концами), надѣ государственной гарантіей уже сразу создаетъ грандіозный и едва постижимый *реальный* успѣхъ. Но на сколько успѣшнѣе долженъ пройти «золотой заемъ», если правительство серьезно и фактически осуществитъ давно назрѣвшую финансовую и фискальную реформу, гарантирующую обильный притокъ новыхъ доходовъ и правильную постановку всей финансовой политики съ прочными и ясными видами на будущее. Но безъ такой реформы никакія мѣры кредитной политики вообще ничего положительнаго дать не могутъ! Выигрышный заемъ, мѣры податныхъ воздѣйствій и, наконецъ, «золотой заемъ» должны, для гарантіи успѣха, опираться на реальный и широкий планъ податныхъ преобразованій. Въ числѣ крайне важныхъ и въ ближайшемъ будущемъ необходимыхъ мѣръ я попрежнему считаю осуществленіе «принудительнаго займа», не въ томъ, конечно, видѣ, какъ себѣ рисуютъ эту мѣру малосвѣдующіе или недостаточно вдумчивые люди, а именно въ формѣ займа, обязательнаго лишь для такихъ капиталистовъ, которые до сего времени не подписывались вовсе или подписывались въ недостаточномъ размѣрѣ (менѣе 10—60% своего годового дохода) на военные займы или «Заемъ свободы»¹⁾. Въмѣсто вѣчныхъ шатаній въ области конфискаціи проектовъ прямого обложенія и необычайнаго кунктаторства въ области косвенныхъ налоговъ, необходимо ясно и конкретно начертать планъ реформирования всего податнаго дѣла и опредѣленно поставить вопросъ о кредитныхъ операціяхъ и о принудительномъ займѣ.

Проф. Пав. Гензель.

¹⁾ Проектъ подобнаго займа разработанъ мною на страницахъ «Вѣстника Финансовъ» № 24 за т. г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Продовольственный кризисъ. — Около безхлѣбья. — Мѣщечники. — Комитетскія говорильни. — «Погибленіе революціи».

Продовольственный кризисъ все разрастается. Всѣ помыслы обывателя около хлѣба. Тяга за хлѣбомъ теперь основной тонъ жизни. Народъ потерялъ вѣру въ комитетскихъ продовольственныхъ заправиль и бросился добывать себѣ хлѣбъ, гдѣ и какъ только можно. Газеты поволжья рисуютъ картины такого массоваго поиска хлѣба.

«Въ послѣдніе дни навигаціи на Волгѣ,—пишетъ «Волгарь»,—въ ея верхней части и на Камѣ наблюдается небывалое и исключительное явленіе: всѣ пассажирскіе пароходы, проходящіе и уходящіе изъ Нижняго, переполнены пассажирами—жителями деревни. Наплывъ настолько великъ, что буквально не хватаетъ мѣстъ, несмотря на безбожное переполненіе пароходовъ. Что же случилось? Оказывается, что жители сѣверныхъ губерній, всегда питавшіеся привознымъ хлѣбомъ, совершенно утратили вѣру въ общественныя учрежденія: во всякія увѣренія, что хлѣба нѣтъ и всѣ учрежденія вкупѣ достать его не могутъ. Жители верховыхъ приволжскихъ губерній рѣшили, что если еще одну недѣлю продолжать вѣрить, то придется умирать голодной смертію. И они взяли сами за дѣло своего продовольствія: побросали свои обычныя дѣла и поѣхали за хлѣбомъ на среднюю Волгу и на нижнюю Каму».

Бдутъ артелями, мужики, солдаты, бабы съ грудными младенцами. У всѣхъ мѣшки. Это «мѣщечники», искатели хлѣба въ сѣверныхъ и центральныхъ потребляющихъ губерніяхъ. «Ниж. Листъ» передаетъ разговоръ съ однимъ изъ такихъ искателей хлѣба:

«На мой вопросъ по поводу такого дружнаго паломничества въ низовья Волги, собесѣдникъ мужичокъ отвѣтилъ:

— Кому охота околѣвать съ голоду?! Раньше все думали, что продовольственныя комитеты позаботятся, а теперь, какъ увидели, что комитеты эти одна лишь видимость, отъ которой никакой корысти нѣтъ, да какъ вспомнили пословицу: «На Бога надѣйся, а самъ не плошай», такъ всѣ и повалили въ хлѣбородныя губерніи за хлѣбомъ...

— Говорятъ, больно дорого обходится хлѣбъ?

— Да что, дорогъ! Вѣдь все равно, ежели голодонка наступитъ, деньги ѣсть не станешь. Только бы вывезти.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что большинство пассажировъ направляется въ предѣлы Казанской губерніи. Каждый изъ пассажировъ запасается документомъ — разрѣшеніемъ на покупку хлѣба. Документы эти исходятъ отъ разныхъ сельскихъ общественныхъ организацій, преимущественно—продовольственныхъ комитетовъ».

Казанская губернія теперь переполнена людьми, ищущими хлѣба. Въ хлѣбныхъ пунктахъ казанской губерніи,—пишутъ казанскія газеты,—происходить нѣчто невѣроятное. Хлѣбные ходоки тысячами осаждаютъ мѣстныхъ хлѣбныхъ торговцевъ и хлѣбродовъ, вывозящихъ хлѣбъ на базары, и буквально вырываютъ изъ рукъ мѣшки съ мукой, овсомъ почти не торгуясь. Въ небываломъ масштабѣ практикуются взяточничество и разнаго рода «смазки».

Ярославскій «Голосъ», со словъ вернувшихся изъ такой экспедиціи въ Казань за хлѣбомъ, передаетъ слѣдующее:

«Мѣщечники-крестьяне наѣхали изъ разныхъ губерній, чтобъ купить для себя лично мѣшокъ-два или для своей деревни. Такихъ мелкихъ покупателей до 27 тысячъ человекъ. Живутъ они на берегу, въ палаткахъ. Разводятъ костры. Тутъ же и ночуютъ. Цѣны взвинтились, такъ что вся продовольственная политика съ твердыми цѣнами полетѣла вверхъ ногами. Въ Петроградѣ знаютъ. Посылаются все время срочныя телеграммы. Оттуда пишутъ, чтобы выслали изъ Казани войска и отбирали хлѣбъ. Попробовали, стали было отбирать закупленный хлѣбъ. Произошла крайне тяжелая исторія... Бабы и дѣти подняли плачь... Солдаты отказались итти противъ своихъ. Изъ министерства телеграфируютъ принимайте всѣ мѣры... Мобилизовали студентовъ для агитаціи. Мѣщечники стали подаваться на убѣжденіе, согласились взять съ собою по 5 пудовъ на человека. Благодаря этому, удалось собрать часть хлѣба, но очень мало. Такъ было въ Чистополѣ. Въ Спасскомъ та же картина. Вездѣ одно и то же. У всѣхъ хлѣбныхъ пристаней недѣльями живутъ мѣщечники.

Были у уполномоченнаго Салазкина въ Нижнемъ. У него тоже хлѣба мало, запасовъ нѣтъ. Онъ главнымъ образомъ исполняетъ требованія Петрограда на армию. При насъ у него собралась масса всякаго народу: крестьянъ, желѣзнодорожниковъ, представителей всякихъ организацій... Всѣ грозятъ, требуютъ. Крестьяне береговыхъ деревень говорятъ, что они ни одной хлѣбной баржи не пропустятъ, обрубятъ снасти, силой возьмутъ; живущіе на линияхъ желѣзныхъ дорогъ грозятъ отцѣплять вагоны, если хлѣбомъ их не обезпечать... При такихъ обстоятельствахъ, ни одна баржа, ни одинъ вагонъ не можетъ дойти до мѣста».

«Положеніе угрожающее. Система хлѣбной монополии распределительныхъ плановъ рвется по всѣмъ швамъ. Населеніе болѣе не довѣряетъ своимъ продовольственнымъ комитетамъ, гдѣ застѣли разныхъ партій «товарищи». «Комитетскій» становится браннымъ словомъ въ деревняхъ. Отъ комитетовъ хлѣба не видятъ. Въ с. Горкахъ, Ковровскаго уѣзда, акрестьяне учинили самосудъ надъ предсѣдателемъ и секретаремъ потребительскаго общества, такъ какъ увидели, что они ночью уносятъ изъ лавки къ себѣ мѣшки съ хлѣбомъ. Ихъ водили по селу съ надписями «воры» съ мѣшками, наполненными землей. Рѣдкая продовольственная управа теперь находится внѣ опасности разгрома: толпы народа подступаютъ, требуютъ

хлѣба, слышатся угрозы, «комитетчики» должны скрываться. Голодь и анархія идутъ совмѣстно...

А въ отвѣтъ—потоки рѣчей и резолюцій, выносятся дирижирующими партиями. И въ этомъ отношеши всюду одно и тоже. Собирается губернский продовольственный съѣздъ изъ дѣятелей новой формации. Полдня тянется провѣрка мандатовъ въ мандатной комисси. Потомъ докладъ, пренія, рѣчи по существу, по постановкѣ вопросовъ, по порядку голосованія, за и противъ поправокъ къ резолюціямъ. Резолюци и рѣчи, рѣчи и резолюци. вмѣсто дѣла—только слова, вмѣсто помощи населенію—борьба за власть. Большевики кричатъ: «во всемъ виновато временное правительство, а меньшевики и эсеры прикрываютъ его, «долой войну», вся власть совѣтамъ. Совѣты дадутъ хлѣбъ, а правительство въ соглашательствѣ съ буржуазіей!»... «Это—политиканство, демагогія,—кричатъ имъ въ отвѣтъ.—Вы съете анархію, подрываете довѣріе и не даете наладить продовольственное дѣло!» Предлагаются резолюци и контръ-резолюци, страстно, неистово борются, а въ результатѣ распредѣляютъ вагонъ муки...

Словно шоры на глазахъ у этихъ людей: изъ-за политиканства они не видятъ катастрофическаго положенія, угрожающаго всемъ завоеваніямъ революци. Они стремятся «углублять революцію», насаждать социализмъ, всюду разыскиваютъ «контръ-революцію», не сознавая, что они сами первые и самые дѣятельные насадители контръ-революци. О какомъ социализмѣ можетъ быть рѣчь, когда не удается простая хлѣбная монополія. Она существуетъ въ Германіи, Австріи, у нашихъ союзниковъ. Требуется она извѣстной сознательности населенія, высокаго культурнаго уровня, людей дѣла. У насъ всего этого не оказалось и дѣло снабженія хлѣбомъ не удалось, а мы стремимся къ реорганизации всей хозяйственной жизни на началахъ коллективнаго владѣнія, завѣдыванія и управления. Всякая революція заключаетъ въ себѣ два процесса: разрушеніе стараго и созиданіе новаго. Въ русской революци осуществляется разрушительный процессъ и совершенно не налаживается дѣло созиданія. Те-

перь это день ото дня становится очевиднѣе. Уже назрѣваетъ приговоръ и онъ будетъ вынесенъ со временемъ, но пока на чердѣ дальнѣйшихъ испытанія.

Въ деревняхъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ наблюдатель деревенской жизни,—каждый день слышатся разговоры о «новыхъ правахъ», что отъ нихъ что-то нѣтъ никакого толку, а даже, какъ-будто, словно хуже стало.

Вотъ, дядя Романъ ѣздитъ въ городъ, а по дорогѣ его раздѣли люди, какъ теперь принято выражаться, одѣтые въ солдатскіе шинели. и дядя Романъ, вернувшись босъ и нагъ, наставительно повѣдалъ: «вотъ, отъ новыхъ-то правовъ безъ сапогъ вернулся!» Сходятся мужики съ фабричными съ близъ лежащей фабрики и шибко ругаются: «дармоѣды вы, работать не хотите, какіе заработки себѣ положили, а насъ безъ одежды оставляете, не видать вамъ отъ насъ хлѣба, съ колами встрѣтимъ...» «Комитетскіе—все отребье, хулиганье одно!», говорятъ мужики.

— Ну, а за кого вы голосовали?—спрашиваешь мужиковъ.

Молчаніе, смущенно переминаются.

— За кого? Таненка писала. Она тутъ всемъ заправляетъ, ей препоручено, она и писала...

Оказалось, что Таненка писала за «третій списокъ». Препоручено это было ей однимъ товарищемъ-солдатомъ изъ города. Мужики-бородачи этому солдатскому сказу подчинились: потому что этого требовали «совѣты».

Вопросъ о «новыхъ правахъ» еще не получилъ достаточной ясности...

Продовольственный вопросъ привлекъ вниманіе и «предпарламента». Въ докладѣ министра продовольствія С. Н. Прокоповича онъ получилъ всестороннее освѣщеніе. Приведенныя въ докладѣ данныя послужили достаточной иллюстраціей къ тому въ воду, который сдѣлалъ министр-социалистъ, что анархія и гражданская война губительны для продовольственнаго дѣла и что «углубленіе революци» превращается въ ея погубленіе.

Н. Иорданскій.

КАНУНЪ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНІЯ.

Статья Бориса Кремнева.

«Какое правительство когда-либо обнаружило, посреди громаднаго столкновенія разбушевавшихся страстей, болѣе постоянную невозмутимость, болѣе благородное довѣріе къ нравственному авторитету принциповъ, болѣе абсолютное безкорыстіе и болѣе гордое безстрашіе! Какое другое правительство когда-либо обошлось со своими врагами съ большимъ великодушіемъ, обнаружило большее отвращеніе къ пролитію крови и съ болѣею щепетильностью воздерживалось отъ употребленія насилія? Какому другому правительству когда-либо удалось столь чудеснымъ образомъ удержаться на вершинѣ общества, потрясеннаго до самыхъ основаній, не прибѣгая къ силѣ, не зажимая рта даже клеветѣ, не прячась за спину судей, полици, солдатъ, а призывая къ себѣ на помощь лишь силу убѣжденія?»

О какомъ правительствѣ идетъ здѣсь рѣчь? Не

наше ли Временное Правительство слѣдуетъ во всѣхъ своихъ метаморфозахъ этимъ нравственнымъ и великодушнымъ идеямъ? Чьи это слова? Можетъ быть, это гражданинъ Керенскій дѣлаетъ свои признанія и оправданія передъ потомствомъ?

Нѣтъ, это слова Луи Блана. Они цѣликомъ примѣнимы къ нашему времени, и неволью является вопросъ, какой будетъ конечный итогъ дѣятельности революціоннаго правительства, принявшаго власть въ часъ паденія династіи и монархіи? Какой итогъ?

И будущиіи русскій Луи Бланъ не будетъ ли оплакивать нашу республику, какъ пришлось оплакивать благородному французцу республику 1848 года?

Вѣроятно, этотъ вопросъ задаетъ себѣ всякіи, не позабывшіи уроковъ исторіи. Вѣроятно, всѣ мы, свидѣтели демагогическаго разврата, потворства дурнымъ инстинктамъ черни, распушенности нравовъ,

лицемѣрія политикановъ и отчаянія легковѣрной толпы, даемъ себѣ отчетъ въ той опасности, которая надвигается на Россію.

Прошло восемь мѣсяцевъ со дня переворота. Мы наканунѣ Учредительнаго Собранія. Повидимому, у правительства непоколебимое рѣшеніе созвать его въ назначенный срокъ. И вотъ, когда остается лишь три-четыре недѣли до открытія учрежденія, долженствующаго опредѣлить судьбу Россіи, мы видимъ чрезвычайныя усилія со стороны нашихъ бунтарей вызвать въ странѣ гражданскую войну во что бы то ни стало. Можно сомнѣваться въ томъ, что Учредительное Собрание, созванное въ дни анархія, при явномъ и безотвѣтственномъ террорѣ самочинныхъ партійныхъ организаци, явится совершеннымъ выразителемъ народной воли. Но какъ ни далеки условія нашей жизни отъ желаннаго правопорядка, мы, будучи демократами и республиканцами, не можемъ не признать, что Учредительное Собрание явится единственнымъ законнымъ источникомъ будущей государственной власти. Попытки превосхитить рѣшенія Учредительнаго Собранія являются преступленіемъ. И, однако, сейчасъ, когда я пишу эти строки Петроградъ изнемогаетъ въ напряженной борьбѣ съ той бандою демагоговъ, которая посягаетъ на послѣднее достояніе несчастнаго народа, на его право, путемъ всеобщаго голосованія, создать въ странѣ легальную власть и спасти государственное единство.

Событія развиваются съ головокружительною быстротою. Я не знаю, что будетъ въ странѣ, когда появится этотъ номеръ «Народоправства». Но каковы бы ни были условія нашего дальнѣйшаго существованія, одно несомнѣнно: нельзя оставаться безразличнымъ къ Учредительному Собранію. Абсентеизмъ на городскихъ выборахъ служить зловѣщимъ предостереженіемъ. Граждане, обманутые демагогами, разочарованные въ своихъ надеждахъ, перестаютъ вѣрить въ цѣлесообразность демократическихъ учреждений. Въ этомъ немалая опасность. Вѣдь, у кого есть еще гражданское мужество, должны работать, не уставая агитировать за необходимость принять участіе въ выборахъ. Допустимъ, что намѣренія безотвѣтственныхъ вожаковъ анархическихъ группъ осуществляются. И въ этомъ случаѣ имъ не уйти отъ идеи Учредительнаго Собранія. Оно все-таки должно состояться. И какъ ни ужасны будутъ терроръ и беспорядокъ въ странѣ, если восторжествуютъ большевистскіе комитеты, все же надо бороться до конца за право народа выразить свою волю. Учитывая несовершенство избирательнаго закона, который предполагаетъ существованіе въ странѣ превосходно организованныхъ партій, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ; учитывая неподготовленность многомилліонной неграмотной деревни къ *прямымъ* выборамъ: все-таки нельзя терять надежду, что Учредительное Собрание въ извѣстной мѣрѣ отразитъ всенародную волю.

Надо помнить, что другого лучшаго способа опредѣлить эту волю, человѣчество пока не выдумало.

Если душу народа выражаютъ лучше представители его, геніи, нерѣдко до срока отвергаемые *большинствомъ*, то волю народную въ планѣ высшаго государственнаго строительства и социального творчества опредѣляетъ съ достаточною точностью представительство населенія путемъ всеобщихъ выборовъ.

Преступнымъ малодушіемъ было бы съ нашей стороны отказаться наканунѣ рѣшительнаго событія отъ идеи народнаго суверенитета. Но надо приложить всѣ усилія къ тому, чтобы изъ партійныхъ списковъ были вычеркнуты имена измѣнниковъ и предателей, позорящихъ націю.

Если Временное Революционное Правительство не выронитъ изъ своихъ рукъ власти, оно обязано стать на стражѣ чести и достоинства народа.

Кандидатами въ Учредительное Собрание не могутъ быть лица, завѣдомо отказавшіяся отъ идеи цѣльной и великодержавной Россіи.

Учредительное Собрание не для того созывается, чтобы торжественно и всенародно совершить хакарири. Такого позора терпѣть нельзя. И всѣ, кому дорога идея Учредительнаго Собранія, созваннаго на основѣ всеобщаго избирательнаго права, должны требовать незамедлительнаго исключенія изъ кандидатскихъ списковъ всѣхъ тѣхъ, кто явился въ Россію при благосклонномъ содѣйствіи германскаго имперскаго правительства и кто былъ скомпрометированъ близостью съ нѣмецкими партіями, поддерживающими политику Гогенцоллерновъ.

Русская демократія держитъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. И, кажется, никогда еще во всемирной исторіи не было большей опасности для демократической идеи, никогда не было большей возможности для ея торжественнаго провала.

Нѣтъ ни одной конституціи въ мірѣ и нѣтъ ни одной правовой системы, гдѣ бы законодатель или государствовѣдъ допускалъ къ участію въ выборахъ сумасшедшихъ или явныхъ измѣнниковъ. Горе правительству и горе странѣ, если въ выборахъ въ Учредительное Собрание примутъ участіе безумцы и предатели.

До послѣдняго времени наше либеральное, честное, гуманное Временное Правительство руководствовалось тѣми же идеями, какими руководствовалось французское правительство отъ 24 февраля 1848 года до 4 мая того же года. Но мы знаемъ, что во время революціи нуженъ не отвлеченный гуманизмъ и либеральная терпимость, а безпощадная власть, ведущая страну твердою рукою къ Учредительному Собранію. Въ противномъ случаѣ на смѣну Луи Блану приходитъ Кавеньякъ.

Борисъ Кремлевъ.

22 октября 1917 г.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія.

Типографія Товарищества Рябушинскихъ. Страстной бульваръ, Путинковскій пер., соб. домъ.